

Альберт Исаев

Эффект пророчицы

Часть 1

Альберт Исаев

Эффект пророчицы. Часть 1

«Издательские решения»

Исаев А. Н.

Эффект пророчицы. Часть 1 / А. Н. Исаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836384-9

Время — извечный враг человека, кто не знает о его коварстве, тот глуп, а кто пытается с ним играть, тот глуп вдвойне. Отправляясь к убитому много лет назад отцу, Анна прекрасно это понимала — но скажите, хоть когда-нибудь эти гости из будущего были аккуратны там? В чужом времени и месте, балансируя на грани, пытаясь навести порядок в собственной жизни, Анне предстоит немало узнать о своей семье. Какие скелеты в шкафу припрятаны у её дяди? И что она ещё не знает о себе самой и своём прошлом?

ISBN 978-5-44-836384-9

© Исаев А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эффект пророчицы

Часть 1

Альберт Николаевич Исаев

© Альберт Николаевич Исаев, 2017

ISBN 978-5-4483-6384-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Архивные тайны

Всегда находил что-то интересное в восходе солнца, и хотя самому этому явлению уже давно есть точное объяснение из области школьного курса физики, спорить трудно: погода устанавливается в это время весьма приятная. Лучи не так давно взошедшего солнечного диска освещают покрытые копотью заводские трубы, их серо-голубой дым элегантно перемежается с ярко-оранжевым небосводом, рисуя в утренней дымке широкие пласты солнечного света. Отражаясь от окон одних высотных домов, эти игривые лучи попадают в квартиры других, заставляя недовольно морщиться тех немногих их обитателей, что не спят в это ясное воскресное утро. Шестиполосная автомагистраль, обычно до отказа забитая автомобилями, дымящими, сигнализирующими друг другу в час пик, сейчас практически опустела: идеально ровный, слегка влажный после ночного дождя асфальт лишь изредка разрезают своими колёсами одиночные грузовики. Протянувшаяся вдоль автострады зелёная терраса уже красовалась своими летними тонами, и недавнюю весну выдавало лишь небольшое количество свалывшегося тополиного пуха, сметённого вместе с придорожной пылью дворником. По скрытому от любопытных глаз раскидистыми кронами деревьев тротуару неспешно ходили редкие, сонные, деловито спешащие куда-то люди. На редкость ясная погода не давала даже намёка на вчерашнюю дождливую ночь. Именно такие уникальные моменты идеально подходят для различного рода творчества – возможно, поэтому на крыше одного из самых высоких домов в округе сидит, наблюдая за этим сонным муравейником, одинокий фотограф. Кто знает, возможно, именно его фотографии, сделанные здесь и сейчас, создадут образ Москвы в глазах приезжих уже в ближайшие пару лет.

Время раннее, к тому же выходное, и в подавляющем большинстве своём люди ещё спят, чтобы проснуться ближе к полудню, а потом заснуть ближе к полуночи, и в дальнейшем смело жаловаться на недосып коллегам по работе. Вот и у жителя одной из квартир в доме номер 17, том самом, с фотографом на крыше, были аналогичные планы на это утро. К сожалению, а может, к счастью, кто его знает, их нарушило прерывистое дребезжание телефонного звонка.

Время шло, а телефон всё трезвонил и трезвонил. Наконец из-под синего в крупный жёлтый одуванчик одеяла раздался недовольный стон, а затем высунулась слегка бледная женская рука с аккуратными, накрашенными прозрачным лаком ногтями. Рука потянулась к уже обветшалой, цвета ольхи прикроватной тумбе, с третьей слепой попытки схватила свой телефон, а затем снова исчезла под одеялом, откуда вскоре раздался приглушенный, сонный, слегка раздражённый, но всё равно приятный на слух женский голос:

– Алло! Вам известно, сколько времени?

– Восемь утра – ты же знаешь, в вопросе времени я всегда педантичен!

Голос в трубке был бодр и весел, чего нельзя было сказать о его собеседнице. Даже спрзонья она сразу узнала этого весельчака:

– Дядь, ну зачем так рано?

– Я просто знаю, как ты любишь поспать, вот и решил, что в воскресенье ты не упустишь возможность.

– Раз так...

Рука снова высунулась из-под одеяла и одним вялым движением стащила его вниз. На кровати в полудрёме лежала, приложив телефон к уху левой рукой, весьма симпатичная девушка двадцати четырёх лет. Длинные бледно-золотистые волосы, сейчас больше напоминавшие перекати-поле, почти полностью закрывали ей лицо, оставляя снаружи лишь немного

острый нос. Ослепительно белые, худенькие плечи едва закрывала сползшая во сне лямка белой в тонкую вишнёвую полоску майки.

– ...что ж ты вчера не позвонил? И не попросил лечь пораньше?

– А ты б меня послушала? – усмехнулся дядя.

– Что ж, логично – зевнув, девушка поправила лямку майки и слегка оторвала голову от подушки – Так чего звонишь-то в такую рань?

Голос в трубке аж возмутился:

– Ань, ну ты вообще ничего не соображаешь, когда не выспишься!

– Ты, можно подумать, лучше – в голосе Анны явно читалось раздражение.

– Ну я хотя бы готов, в отличие от тебя.

– Смотри к чему – если поспать, то у меня преимущество! – заявила она.

– Годы идут, а ты не меняешься! – с лёгкой иронией в голосе отметил её дядя, – Ну ладно, расскажу ещё раз – напомним одной соне. Мне нужно поработать с документами в Российском Государственном архиве новейшей истории – работаю с концом 90-ых, может, ещё и 00-е захвачу, их как раз недавно туда перевели. Сама понимаешь, сейчас вещь весьма востребованная и многим приходится пару недель ждать документов. Но одному мне с таким богатством за день не справиться, а работа срочная, поэтому мне нужна твоя помощь. К тому же, тебе всё равно по внутренней политике того времени ещё диплом писать. Так что это...

Услышав знакомые слова, Анна мгновенно проснулась и молнией вскочила с кровати. Проспать такое – да для неё это непростительно! Своим звонким, перевозбуждённым от волнения голосом она практически прокричала в трубку:

– Где встречаемся?

– О! Проснулась, родная! – пробуждение племянницы воодушевило дядю, – Значит так, встретимся в метро, станция «Китай-город», а там я тебя доведу.

– Отлично, – большие серо-голубые глаза Анны уже горели азартом, от бывшего желания спать не осталось и следа.

– Знал, что ты обрадуешься – голос в телефоне также заметно повеселел, – Платформа на север, в середине зала.

– До встречи!

– Пока!

Теперь, заряженная своим уникальным, зачастую граничащим с безумием энтузиазмом Анна уже не могла усидеть на месте. На её тонких розовых губах сияла та самая улыбка, которая бывает, когдаловишь удачу за хвост. Сейчас все черты её миловидного, чуть-чуть остренького личика говорили об одном: сейчас эту девушку на пути к её цели ничто не остановит. Ну или никто...

– Чего кричишь? Ты знаешь, который час?

В комнату вошла женщина сорока двух лет, одетая в красную ночную рубашку. На её лице словно застыл заспанный, недовольный взгляд – точь-в-точь такой же, какой совсем недавно был у Анны. Нетрудно было заметить, что эта женщина ужасно на неё похожа: те же черты пусть и немного постаревшего лица, такие же бледно-золотистые волосы, одинаковая мимика – если бы не разница в возрасте, их вполне можно было бы принять за сестёр-близняшек.

– Доброе утро, мам – скороговоркой протараторила Анна и выпрыгнула из кровати – Извини, мне пора бежать.

– Куда? В воскресенье? – недоумеая, переспросила её мама – В восемь утра?

– Ага, – ответила Анна с хитроющей улыбкой, так часто встречающейся у людей в её возрасте.

– Хм... Ну ладно – всё ещё удивлённо смотрела женщина на свою дочь – А кто звонил?

– Дядя. Нашёл материалчик. Наконец-то! – Анна аж пританцовывала от радости. Она так давно мечтала об этом, почти неделю упрашивала дядю – и вот дождалась!

– Эх, – прислонившись к дверному косяку, мама Анны тихо вздохнула – И откуда в тебе столько энтузиазма?!

– Ты прекрасно знаешь, от кого, мам.

Здесь её дочь была абсолютно права: мало того, что они были очень похожи внешне, так ещё и понимали друг друга не то что с полуслова – с полувзгляда. В этой квартире и этой семье в частности почти всегда незримо присутствовала атмосфера доверия. Конечно, такая идиллия в отношениях с мамой царила далеко не всегда – бывало, что они с Анной серьёзно ругались, но им всегда удавалось быстро помириться, обязательно давая себе обещание забыть все обиды. Матери Анны удалось стать человеком, во всех смыслах заслужившего доверия своей дочери, а она в свою очередь полностью доверяла своей любимой Ане. Всю свою жизнь мама в буквальном смысле понимала свою дочурку, и хотя она не всегда могла найти подходящие слова, такая способность поражала даже саму Анну.

– Ну да, ну да... Так ты хотела одеваться – вдруг спохватилась она.

– Что?

Внезапно Анна поняла, что разговорившись с мамой, застыла в довольно странной позе: одна нога уже была продета в ярко-голубые джинсы и с другого конца штанины торчала голая пятка, другая, минуя посредника, уже намеревалась пролезть в её любимые белые кеды. Одновременно из наполовину расчёсанных волос торчала красная металлическая расчёска, а в зубах она зажала бежевую резинку для волос. От одного осознания глупости своей позы Анна тут же прыснула со смеху.

– Давай, что ли, кофе налью! – улыбаясь глазами, предложила мама, – А то уснёшь ещё по дороге.

– Давай! Спасибо.

– Да на здоровье!

Всего каких-то десять минут – и Анна уже была во всеоружии: джинсы с кедами уже зывали двинуться в путь, а аккуратно уложенные волосы были заплетены в простенький хвостик. Со слегка розовыми от горячей воды щеками Анна непринуждённо пила на кухне свой свежесваренный кофе.

Яркое майское солнце уже давно взошло, и вишнёвые обои кухни, освещённые им, едва заметно светились. Чтобы солнечный свет не слепил глаза, мама Анны небрежно задвинула белые полупрозрачные занавески. В дальнем углу чуть слышно гудел сияющий белизной холодильник. Рядом с ним, на газовой плите, коих не так много осталось в современной Москве, ещё стояла маленькая бронзовая турка, источающаяся режущий ноздри кофейный аромат. Вдоль стены тянулся высокий шкаф со всевозможной кухонной утварью. Казалось бы – зачем для двух человек столько всего? Ан нет – у каждой вещи было своё, обязательное для присутствия здесь применение. Замыкала этот ряд металлическая раковина, с самым что ни на есть обычным водопроводным краном.

На противоположной от окна стене висели небольшие матово-чёрные часы, чьи стрелки сейчас показывали 8:25. У другой стены, за крохотным даже для двоих белым столиком сидели на узеньких табуретках Анна и её мама.

– Ох! Спасибо! А то как представлю, что усну в вагоне... Пфф! Даже смешно становится! – небрежно размахивая в руке пустой чашкой, Анна уже смеялась над своей недавней сонливостью.

– Да не за что! – подперев подбородок рукой, улыбалась её мать – Хотя обычно люди бояться уснуть в метро.

– Мам! – разразилась Анна сарказмом, – Когда я у тебя была похожа на нормальную?

– Всё зависит от того, насколько ненормальным должен быть человек, чтобы считать его таковым.

– Ой, мам, хватит косить под Чешира! Ты смешная, когда так делаешь.

– Я знаю, – всё так же улыбаясь, отвечала ей мама – Ты тоже, кстати!

– Ну я ж мамина дочка – улыбнулась в ответ Анна.

– На секунду в квартире всё стихло, даже холодильник перестал шуметь. Анна обернулась, чтобы взглянуть на настенные часы.

– Так... Всё, я побежала! – аж подпрыгнула она на табуретке – Буду вечером.

– Подожди! – торопливо остановила её мать.

– Чего такое?

– Сумку не забудь! – в голосе мамы отчетливо слышалось беспокойство.

– Mam, ты же знаешь, я без неё никуда – попыталась успокоить её Анна.

– Ну мало ли, ты с утра вообще пыталась тут лунатить – не унималась она.

– Хорошо, хорошо, мам – чего ты так переживаешь?

– Эх, Ань... Ты ж у меня единственная – в голосе матери проскользнула нотка грусти.

– Знаю... А ты у меня.

– Со всей добротой, накопившейся к маме, Анна встала и обняла её. Часы показали 8:27.

– Ну всё, теперь мне точно пора, а то ещё опоздаю. Тогда дядя на меня точно взъестся.

– Пока, милая!

– Пока.

Бодрым шагом, едва не подпрыгивая на месте, Анна направилась к выходу и уже готовилась закрыть дверь, как внезапно её мама вскочила и крикнула:

– Постой!

Анна удивленно обернулась.

– Чего, мам?

– Всё хорошо, милая, просто решила тебя проводить – подойдя поближе, невозмутимо ответила она.

Такого Анна как-то не ожидала: уж кому-кому, а её маме гиперопека несвойственна. Впрочем, у неё не было поводов отказываться от новой порции маминых объятий.

– Ну... Ну хорошо... Пока.

– Пока.

– Перед тем, как входная дверь закрылась, Анне на мгновение показалось, что прежде весёлое, улыбчивое лицо мамы сменилось на обеспокоенное и тревожное, но времени рассуждать об этом девушка не нашла – она и так опаздывала. Солнце грело всё сильнее, от утренней свежести не осталось и следа, а потому маршрут Анны пролегал через тенистый сквер вдоль Северного бульвара. В своих ярких джинсах, белых кедах, блузке цвета сирени и наушниках-вкладышах, ведущих своим проводом в карман с плеером, с которым Анна практически не расставалась, она была скорее похожа на старшеклассницу, чем на студентку второго года магистратуры. Единственное, что хоть как-то подтверждало её настоящий возраст – наплечная сумка-планшет цвета хаки, сильно выбивавшаяся из образа и больше подходившая участнику горной экспедиции, нежели студентке, большую часть жизни прожившей в столице.

Своим излюбленным быстрым шагом Анна очень скоро добралась до станции метро «Отрадное». Пройдя до середины платформы, чтобы сократить время на пересадке, она вошла в уже заполненный людьми вагон. Несмотря на выходной, в метро сегодня свободней не стало. «Владыкино», «Петровско-Разумовская», «Тимирязевская» – с каждой станцией по мере продвижения к центру поезд продолжал заполняться людьми. Стоя на «Дмитровской», взгляд Анны упал на молодого парня, в последний момент успевшего забежать в вагон. Его растрёпанные тёмные волосы и одетая явно не по погоде осенняя куртка показали ей подозрительно знакомыми. Надо сказать, он не производил благоприятного впечатления, и всё же в нём было

что-то очень знакомое лично ей. Только вот протиснуться к нему у хрупкой девушки не было никаких шансов – в вагоне было полно народа.

Наконец поезд подъехал к «Савёловской» и люди устремились на совсем недавно открывшуюся пересадку. К счастью, молодой человек не вышел, и более того, повернулся к Анне лицом, так что она смогла его рассмотреть. Этот нос с горбинкой, широкие скулы, смуглую кожу, карие глаза... Конечно, как она сразу не узнала!

– Аня? – с лёгким акцентом спросил парень. Кажется, он тоже её идентифицировал.

– Жозе! Ты, что ли? – Анна вынула один наушник из уха.

– Ну да!

Жозе был французом армянского происхождения, чья семья после Октябрьской революции эмигрировала из России во Францию, а в 99-ом году вернулась в Москву. Когда они переехали, Жозе не было и семи, тогда он совершенно не знал русский язык и даже сейчас, после стольких лет жизни в столице говорил на нём со смесью французского и армянского произношения. Нельзя сказать, что это прибавило ему популярности. К тому же, его отнюдь не славянская внешность была очевидным поводом для насмешек. Иными словами, всю свою жизнь Жозе был белой вороной в обществе. Неудивительно, что обычно он сторонился толпы, тем более странно его появление здесь, в переполненном вагоне московского метро. Год назад Жозе учился на одном потоке с Анной, но после инцидента, когда его при всей аудитории в очередной раз подняли на смех его же одноклассники, он не выдержал всеобщей травли – забрал документы и ушёл из университета. С тех пор Жозе никто не видел. Анна редко с ним общалась, однако сейчас, после годичного отсутствия его в жизни, девушка была искренне рада его видеть.

– Где пропадал? – поинтересовалась она, – Как ты?

Всё хорошо. Конечно, могло быть и лучше, но всё же лучше, чем было.

В голосе Жозе до сих пор явно читалась обида. Анне совсем не хотелось переводить разговор в пессимистичное русло и она поспешила перебить его.

– Слушай, не начинай, а! Тебе ведь самому не хочется об этом говорить.

– Не хочется... – кивнул он немного напряжённо – Что ты здесь делаешь?

– Да так, на работу еду.

– На работу? – удивился парень, – Ты ж в магистратуре ещё!

– Ну... Как на работу, – поторопилась поправиться Анна, – К диплому материал ищу, знающих людей подключила. Плюс дяде надо помочь.

Жозе в ответ невнятно вздохнул.

– Это хорошо.

В разговоре наступила неловкая пауза, и Анна поспешила завести разговор сначала:

– Ну а ты? Что ты тут делаешь?

– Да так, подрабатываю... – скосил он глаза.

– Репетиторство, значит? – догадалась она.

– Работы не много пока, там посмотрим. Всё же лучше, чем ничего.

В его словах явно читалась попытка себя успокоить и Анна улыбнулась.

– Рада, что ты не потерялся.

– Правда? – Жозе удивился.

– Я вообще стараюсь не упускать людей из вида, – призналась она – За каждым человеком своя история, и терять её – значит, терять что-то и в своей жизни тоже.

– Что правда, то правда – согласился он.

Слово за слово, поезд подъехал к «Чеховской». Диктор объявил станцию и люди вокруг заторопились на выход.

– Ну, мне пора, – сказала Анна и поспешила к выходу.

– Подожди! Мне тоже выходить! – выскочил вслед за ней Жозе.

– Точно? – смерила она его шутливо подозрительным взглядом.

– Зачем мне врать? – удивился он, не поняв шутки.

– Что правда, то правда. Тебе куда?

– На... «Каширскую», – голос молодого человека почему-то дрогнул, – А... А тебе?

– «Китай-город».

– Слушай, а можно твой номер?

Анна удивлённо посмотрела на него: неужели за этот год он всё-таки изменился?

– Год друг друга не видели, может, больше и не увидимся – уже краснея, поторопился объясниться Жозе.

Нет, кажется, не изменился – всё так же боится смотреть Ане в глаза, как будто она ему чужая.

– Тормозни.

Они остановились у колонны. Анна полезла в боковой карман своей сумки, достала оттуда слегка помятую бумажку, ручку и, прислонившись к колонне станции, записала на ней свой номер.

– Вот, позвони мне сегодня вечером – протянула она ему бумагу – Я сегодня допоздна, но постараюсь ответить.

– Хорошо! До встречи!

Первый раз за всё это время Жозе искренне улыбнулся, и Анна снова заулыбалась.

– Пока.

Нельзя сказать, что эта случайная встреча сильно её обрадовала, даже напротив, скорее расстроила, однако было бы ошибочно полагать, что Жозе был ей как-либо неприятен. У каждого на примете есть такой человек, к которому можно испытывать разве что сочувствие. Может, поэтому где-то в душе Анна не хотела его отпускать: Жозе производил впечатление ребёнка-переростка, о котором нужно ещё заботиться. Вот и сейчас, когда он поковылял своей неуверенной походкой к переходу на «Тверскую», Анна проводила его взглядом до тех пор, пока он сам не исчез из поля зрения.

Однако Анне надо было двигаться дальше, и она устремилась на «Пушкинскую» – там её как раз ждал следующий поезд. В отличие от тихой и спокойной серой ветки, фиолетовая непривычно била по ушам оглушительным грохотом своим поездов – единственная ветка, на которой по-прежнему использовались старые, ещё советские вагоны метро. Нет ничего странного в том, что Анне пришлось увеличить громкость в наушниках.

Вскоре поезд доехал до станции «Китай-город». Пройдя по переходу, чтобы попасть на нужную платформу, Анна остановилась напротив выхода: станция, как это обычно бывает в воскресенье, была полна людей. Кто-то спешил по делам, кто-то ехал за покупками на предстоящее лето, кто-то просто ехал к родственникам, а кто-то, как и Анна, кого-то ждал. У колонны справа пристроилась любовная парочка и откровенно показательно целовалась, Анне стала противна эта сцена, поэтому девушка отвернулась.

С другой стороны стояли две брюнетки – судя по оживлённому разговору, подруги ждали третью. От нечего делать Анна начала их разглядывать. Обе были одеты в броские, кислотно ярких цветов жилетки поверх чёрных рубашек, а тонкие ремни поддерживали вельветовые бежевые юбки до колена. Неизвестно, откуда пошла такая манера одеваться, однако в Москве к этому относились вполне нейтрально. «Сейчас подойдёт третья, в такой же» – подумала про себя Анна. И оказалась удивительно точна – через две минуты они нашли свою подругу в предугаданном ей наряде и заспешили к выходу.

Минуты шли, а дядя всё не подходил и не подходил. Тогда Анна подключила к телефону наушники и набрала его номер.

– Алло, ну ты где? Я уже на месте! – немного возмущенным тоном спросила она.

– А, это ты! – раздался в трубке голос её дяди, – Слушай, тут такое дело – я тут пока ищу место, где припарковаться, сама понимаешь – центр. Ты пока выходи к выходу на Ильинскую, а я тебя там встречу.

– Хорошо. До скорого!

– Пока.

Девушка поспешила к выходу. Перед эскалатором скопилась уже традиционная пробка, и Анна, немного схитрив, пошла по совсем пустой левой стороне. Забавно было смотреть, как эти ленивые, недовольно вздыхающие, ворчащие, едва ли не ругающиеся люди остались позади этой проныры в наушниках.

На выходе свежий порыв холодного ветра и яркое солнце заставили Анну невольно зажмуриться, а после, когда глаза привыкли к яркому свету, она увидела на противоположной стороне дороги мужчину. Невысокого роста, в серой жилетке со множеством карманов и кожаной, затёртой кепке, практически скрывавшей лёгкую седину на голове, в одной руке у него были ключи от старенького «Москвича», припаркованного неподалёку, когда-то белого, а сейчас скорее светло-серого с характерным шлейфом грязи позади. В другой руке мужчина сжимал белую папку с бумагами, так и грозивших вывалиться наружу.

– Дядь! – окликнула его Анна, на ходу вынимая наушники из ушей.

– Аня! – весело ответил, взмахнув рукой с ключами, мужчина.

Загорелся зелёный сигнал светофора. Стоить отметить, Анна была девушкой довольно высокого роста, так что перейдя дорогу, мужчина сразу оказался ниже своей племянницы на целую голову. Вспомнив про его большие ноги, Анна не удивилась, когда дядя предложил ей сначала пойти посидеть в скверике неподалёку. Здесь, в Ильинском сквере им обоим было намного легче разговаривать – можно было спокойно посидеть на зелёной деревянной скамейке, где тень молоденького раскидистого деревца неподалёку скрывала их от прямых солнечных лучей, и поговорить о своих проблемах, как профессиональных, так и глубоко личных, которые Анна не могла разделить даже с мамой. По сути дядя, которого она никогда не звала по имени, заменил Анне отца: в прямом смысле – дело в том, что родного папу Анны убили, когда ей было всего восемь лет. Столь рано потеряв родителя, она мало что помнила из тех событий, но при этом настолько болезненно переживала эту потерю, что если ей хотя бы на минуту возвращались воспоминания тех дней, на глазах сразу проступали слёзы – строго говоря, это было одна из вещей, что могла заставить порой несоразмерно ситуации весёлую Анну расплакаться. Именно поэтому ни мама, ни дядя старались о нём даже не вспоминать, хотя, согласно редким маминым откровениям, он был очень хорошим человеком.

– Так что нарыл? – наконец заговорила студентка.

– Лучше сама взгляни – дядя развязал грубую бечёвку папки, достал оттуда пару листов и протянул их своей племяннице – Тут в основном статистические данные, так что придётся поломать голову над их расшифровкой.

Анна быстро пробежалась глазами по почти идеально белым страницам.

– Интерес-с-сненько... – задумчиво промычала она – Я так понимаю, до этого они не публиковались?

– В том весь их интерес. Почему я тебя и позвал – ты умеешь быстро анализировать цифры, а мне, знаешь, тяжело делать выводы в отсутствие точно известных фактов. А для моей статьи жизненно необходима статистика, ничего не попишешь...

– А что взамен? – сразу лукаво посмотрела на него племянница.

– Взамен? Ну ты лисья морда – так и знал, что что-нибудь попросишь! – весело хмыкнул он в несуществующую бороду.

– Ну вот видишь, ты знал, а значит, предусмотрел ответ.

– Ой-ой-ой, глаза уже горят! Ну что ж – лоб мужчины задумчиво нахмурился, – Думаю, строчку в списке соавторов тебе выделят.

– Спасибо! – вскрикнула Анна и тут же заключила его в объятия.
– Ну всё, всё! – поспешил избавиться от них дядя, – Нам ещё работать нужно. Ты это...
– Что? – немного испуганным голосом спросила она.
– Наушники хотя быними! А то совсем как школьница выглядишь.
– Знаешь, с твоей стороны это комплимент – заявила Аня.
– Ой, да ну тебя – отмахнулся мужчина, но Анна уже смеялась. По дороге у неё сводило ноги, а сердце колотилось от волнения: наконец-то – первая серьёзная работа! Для неё это был первый шаг в направлении, которое она когда-то избрала. Эта барышня готова уже к чему угодно, эту девушку ничем не остановить. Наконец они пришли по адресу и слегка волнуясь, Анна собственноручно открыла дверь Российского Государственного архива новейшей истории.

Распахнув внутренние двери, Анна пришла в неописуемый восторг от скрывавшегося за этими стенами великолепия. Казавшееся снаружи невзрачным и обшарпанным здание на улице Ильинка, 12 скрывало внутри ослепляющее неопытный взор торжество архитектурной упорядоченности. Недавно белёный, ослепительной чистоты потолок в совокупности с плавно переходящими в него полуарками сильно увеличивал зрительную высоту главного зала. Пол цвета тёмного ореха, оранжево-красные настенные панели, мягкое, слегка желтоватое освещение ламп, закреплённых в проёмах между полуарками довершали ансамбль: действительно – это то самое место, где у постоянных обитателей входила в привычку гробовая тишина, создавая в комплексе с успокаивающими взгляд мягкими цветами идеальные условия для работы. Вдоль левой стены тянулся длинный ряд высоких шкафов шоколадного цвета, снизу доверху наполненных определителями, предназначенных для поиска нужных документов. Остальные пять рядов занимали такие же шкафы, доверху заполненные документами самого разного уровня: от определявших план по сбору урожая пшеницы вплоть до хранившихся долгое время под грифом «Совершенно секретно».

Благодаря кондиционерам, единственным элементам, казавшимся здесь чужеродными, в помещении постоянно поддерживалась невысокая температура – в такую жару столбик термометра здесь показывал ровно двадцать градусов тепла. Неудивительно, что за несколько секунд, на которые Анна застыла возле внутренних дверей, она уже успела вся покрыться гусиной кожей. Следом за своей племянницей в дверной проём протиснулся её дядя. Обойдя свою понемногу привыкающую к обстановке помощницу, мужчина подошёл к дежурной – худощавой женщине с изрытым морщинами лицом и красно-коричневого цвета с заметными проблесками седины волосами, в это время читавшую какую-то газетёнку.

– Кхм... – деловито прокашлялся он, – Добрый день.

Женщина вальяжно оторвалась от своей газеты.

– Брюсов Савелий Валерьевич, компьютерный зал – представился дядя Анны.

Дежурная молча встала со своего стула и подошла к столу со списком посетителей, провела пальцем по отметке с датами и сухо кивнула. На турникете, преграждавшем путь Савелию и его племяннице, загорелась зелёная лампочка. Однако для Анны, которая последовала за ним парой секунд спустя, он оказался закрыт. Врезавшись животом в стойку из алюминия, девушка с недоумением посмотрела сначала на турникет, затем на дежурную, потом снова на турникет и с удивлением спросила:

– Простите, в чём дело?

– Да, в чём дело? – вторил Савелий племяннице – Она со мной!

– У меня отмечены только вы, – надев очки, невозмутимо сообщила дежурная.

– Что значит только я? Я предупреждал, что буду не один! – ещё больше недоумевал Савелий Валерьевич.

– Ну у меня отмечены только вы – женщина была неумолима.

– Так... – мужчина задумался на секунду, а затем сказал Анне – Ладно – ты пока подожди здесь, я сейчас схожу выясню, что тут случилось. Я же ясно сказал, что буду не один... – бормотал он, уже уходя куда-то вдаль.

Его племяннице ничего не оставалось, кроме как усесться на жёсткую скамью, похоже, предназначенную специально для таких случаев. Дежурная смерила Анну презрительным взглядом и снова уселась на свой стул. Время тянулось мучительно долго и девушка уже начала волноваться: а что, если всё зря? Что, если ей теперь придётся вернуться домой? Стараясь не поддаваться подступавшей к горлу панике, Анна терпеливо ждала.

К счастью, её волнения оказались напрасными – меньше, чем через десять минут появился, размахивая пропуском в руках, дядя, и Анна наконец смогла пройти через этот злощастный турникет, после чего они вместе прошли через весь зал по лестнице вниз.

– Честное слово, такое со мной впервые! – возмутился по дороге мужчина, – Извини, что так получилось, в следующий раз сразу пропуск будем оформлять.

– Да ничего, – успокаивала его Анна, хотя сама ситуация неплохо подпортила ей настроение.

– Ладно, не переживай – всякое бывает, – похлопал он её по плечу – Всё, пришли.

Подземный, нулевой этаж архива кардинально отличался от того, что было видно на поверхности: если этажом выше был образец сталинской архитектуры, эталон тишины и порядка, то перенесённый сюда только два года назад зал новейшей истории был тому полной противоположностью. Большая часть документов в оцифрованном виде хранилась на компьютерах, стоявших в четыре ряда в сравнительно небольшом помещении, по дизайну больше напоминавшее современную лабораторию, нежели архивную комнату. То немногое, что хранилось в бумажном варианте, хранилось в белом угловом шкафу за матовым стеклом. Стоит сказать, белый здесь вытеснил все остальные цвета – на стенах, на потолке, на полу, даже небольшой сервер словно заболел альбинизмом. Мягкий, но не слишком тусклый свет создавал вполне рабочую атмосферу, так что здесь можно было безо всяких угрызений совести обосноваться на несколько часов.

Анна немедленно запустила два соседних блока и начала выкладывать содержимое сумки, заготовленное ею ещё со вчерашнего вечера. Каково же было удивление дяди, когда она, усевшись на ортопедическое кресло, достала из своей сумки планшет для записей, калькулятор, флешку, блокнот, словарь и автоматический карандаш и разложила их на столе в строгом порядке.

– Ань, а ты уверена, что тебе всё это понадобится? – с недоумением смотрел на неё дядя.

– Ну да, а что? – удивлённо спросила Анна.

– Да ничего, просто всё это можно спокойно разместить на рабочем столе.

– Просто я не хочу его нагромождать – объяснила его племянница – И потом, так я работаю намного быстрее.

– Ну я просто предложил! Дело твоё, конечно... – Савелию Валерьевичу оставалось только пожалать плечами, – Только флешку лучше убери. Знаю, формальность, всё равно кто-нибудь да скопирует, но мы сейчас одни здесь, и повесят всё на тебя. На тебя и так вон с пропуском взъелись.

– Ну хорошо, хорошо! – недовольно согласилась Анна, укладывая свой карманный разносчик вирусов обратно, – Так с чего начнём?

– Да начнём, пожалуй, с 96-го, – ответил ей дядя Савва, усаживаясь на рабочее место и водружая на нос до этого скрывавшиеся в одном из карманов жилетки полукруглые очки, – Ты займись общеэкономическими показателями, а я просмотрю кадровые перестановки. Как раз президентские выборы намечались, а тогда столько всего утекло...

Он уже скорее рассуждал вслух, нежели отвечал на вопрос, но такие рассуждения были весьма и весьма полезны для общего успеха. Да, работа выглядит скучной и однообразной,

к тому же, она предстояла быть нелёгкой и длительной – неудивительно, что почти для всех выпускников исторического факультета она не представляла никакого интереса. Но Анне, уже не раз практиковавшейся в подобной деятельности в университете, такая задача была не просто по зубам – на основе всех этих цифр она с первых минут видела некие очертания той картины, которую можно было получить только на основе детального анализа.

Постепенно собирая эту жуткую для неподготовленного человека головоломку, Анна что-то отмечала в своём планшете. Серо-голубые глаза крепко впились в экран, выхватывая связующие нити гигантского ребуса истории, правая рука вела текст на нужную строку, а левая переносила её содержание, а иногда и краткую расшифровку, на бумагу – Анна была левшой не только в своём деле, но и по жизни, что в данной ситуации несколько увеличивало скорость её работы, ибо так не требовалось постоянного переключения руки с клавиатуры на рукопись, жизненно необходимого для праворукого общества. Иногда она что-то выбивала своими тонкими пальцами на калькуляторе. Блокнот использовался для записей, которые могли быть ей полезны в дальнейшем, но сами по себе ничего не значащие. Рядом, бок о бок со своей племянницей, в работу включился её наставник.

Время в комнате как будто остановилось. Следить за временем там, где даже часы не тикали, было сложно, да и незачем. За прошедшее время Анне только дважды пришлось отвлечься перезарядить карандаш свежими стержнями. Половина её левой руки покрылась тонким слоем графитной пыли, а слегка измазанный лист бумаги заполнился сводной таблицей данных, выписанных Анной для себя. За соседним столом тоже кипела работа – по соседству с одновременно открытыми тремя архивными файлами, в текстовом документе уже оформлялся черновой вариант статьи. Когда Анна дошла до событий августа 1998 года, дядя Савва взглянул на свои часы.

– Ого! Аня?!

– А? Что? – тихо откликнулась она, не отвлекаясь от экрана.

– Уже времени-то сколько? Пора и пообедать!

– Уже? – тут студентка наконец отвлеклась от монитора, посмотрев на дядю слегка покрасневшими глазами – Да я не особо голодная...

– Ты на себя посмотри! – возразил Савелий Валерьевич, – Бледная вся! И глаза красные – всё, немедленно пошли!

– Ой, да ладно, я привыкла.

– Не-не: поешь – потом поработаешь ещё. Ты вообще перед выходом ела что-нибудь? Или опять на одном кофе умчала? – не унимался дядя, – Пошли, знаю я тут одно местечко, я там редко бываю, но готовят там – закачаешься!

– Ну не знаю... – сомневалась Анна и мнила, что только-только раскачалась – А впрочем, давай! – пустой желудок всё-таки взял верх над мозгом, направив голодную студентку к выходу.

Яркий солнечный свет слепил привыкшие к притушенному освещению глаза, отчего девушка всю дорогу морщилась. У заведения, куда они направлялись, было два плюса по сравнению с остальными – довольно близкое расположение и очень красивый вид из окна: здание на Маросейке, 6 угловое и располагалось оно в историческом центре города.

Сделав заказ, Савелий Валерьевич уселся за угловым столиком. Через пару минут его ждала сюрприз – за противоположный стул села Анна с большой тарелкой солянки, гречкой, рыбой в кляре, маленьким шоколадным пирожным и чашкой горячего кофе.

– Ты такая голодная? – удивлённо посмотрел он на свою племянницу.

– Я умираю с голоду! – ответила Анна и тут же набросилась на свою порцию.

Савелию Валерьевичу только и оставалось наблюдать, как студентка набивает себе полный рот, едва успевая прожёвывать. Ароматы еды вокруг совсем вскружили Анне голову. Немного выждав, дядя наконец спросил:

– Ты где сейчас остановилась?

– На август... 98-го – ответила она с набитым ртом.

– Ого, быстро идёшь! Молодец! – похвалил её наставник.

– Фпафыбо.

– Когда придём, добьём до 2000го, а потом соединим наработки – предложил он.

– Слушай, а как вообще статья должна называться? – с трудом прожевав огромный кусок рыбы в кляре, поинтересовалась Анна.

– Я думал назвать её «Галочка в экономике» – улыбнувшись, ответил дядя Савва – По задумке, она должна описывать падения и взлёты экономики России на фоне политических событий того периода.

– Главное – чтоб рассинхронизации не получилось, – заметила его протеже, – А то сделаем кое-как – и потом переделывать!

– И такое бывает, – глотнув кофе, ответил он – Всякое может быть.

– И что, сделали? – на лице Анны читалось любопытство.

– Да ничего, склепали. Правда, это было немного дольше, но нам-то куда торопиться!

– Ну, впрочем, да... – согласно пожала она плечами.

– Можно задать тебе вопрос?

Анна сначала задумалась, а потом ответила:

– Да можно.

– Ты всё время с такой... крашеной рукой? – спросил мужчина и засмеялся.

Тут-то она и заметила: из-за графита половина её левой руки окрасилась в жутковатый серый цвет.

– Это ещё ничего, – улыбаясь, ответила левша, – Когда ручкой пишу, я её по двадцать минут потом с мылом мою, чтобы хоть чуть-чуть оттёрлось.

– Ну ты даёшь! – продолжал смеяться её дядя, – С перьевой ручкой ты бы пол-листа оставила чёрным!

Вконец объевшись, Анна еле дошла обратно до архива. После такого плотного обеда ранее идеально сидевшие на бедрах и животе джинсы стали ей тесноваты. Окунувшись в прохладу архивных залов, она быстро принялась завершать свою часть статьи и вместе с дядей начала объединение наработок. Как оказалось, опасения, высказанные в кафе Анной, оказались напрасными – уже в черновом варианте статья имела довольно завершённый вид. Оставался последний этап – доведение статьи до ума и написание уже чистового варианта. Именно на этом этапе часто отмечается то, что, казалось бы, определяет содержание, и добавляется то, что ранее даже не планировалось включать. Необходимо было и добавить некоторой литературности обзору: в конце концов, иначе иначе она не заинтересует читателя – не специалиста в этой области.

Время постепенно шло к вечеру, и совместная работа двух историков уже подходила к концу. Оставалось только несколько подредактировать окончание статьи, где события касались событий в Чечне, датированных второй половиной 1999 года.

– Похоже, чего-то не хватает, – заявил Савелий после четвёртого прочтения нового варианта, – В твоём анализе ошибок я не вижу, данные перепроверены – всё верно. Только чего-то не хватает...

– Чего же? – уже закатывая глаза от усталости, спросила Анна.

– Не знаю. Такое впечатление, что кто-то выпустил большой объём средств в оборот, – объяснил он – Даже при тогдашней инфляции такого низкого курса быть просто не может! Смотри – доллар за два дня почти на рубль просел! И то же самое по другим валютам. Тогда КТО в Чечне ещё введено не было, но начало боевых действий было положено неделю назад – соответственно, шла подготовка. Данных по ней в этой базе нет, придётся рыть в бумагах, – кивнул он на угловой шкаф, а затем посмотрел на Анну – Справишься?

– А почему и нет? – уже устало ответила она и, зевая, поплелась к каталогу.

После нескольких часов работы Анна уже еле передвигала ногами. Серо-голубые глаза с трудом воспринимали реальность, но пробежавшись по стройным рядам каталога, взгляд помощницы Савелия Валерьевича выхватил довольно толстую, кажется, совсем недавно подшитую папку, заголовок которой в мгновение ока разбудил её:

«КТО Чечня. Сентябрь 1999. Совершенно секретно».

Немедленно проморгавшись, Анна мигом заметила новую запись, перекрывающую предыдущую:

«Рассекречено. Приказ Президента РФ от 22 июля 2016 г. №2437-б».

Мысленно остыв от будоражащих воображение мыслей о самом нахождении засекреченной папки в публичном доступе, Анна быстро схватила тяжеленный том и потащила его к столу.

– Вроде то, – сказала она и взвалила документы на стол дяди.

– Отлично, – радостно шептал Савелий Валерьевич – в отличие от девушки, у него сна не было ни одним глазу.

Аккуратно развязав папку, они вместе принялись изучать её содержимое. К их общему разочарованию, обнаружилось, что почти две трети тяжеленного тома составили списки личного состава – вещь хорошая, но в данный момент совершенно бесполезная. Савелий Валерьевич уже грустно вздыхал: без этих данных статья была бы незавершённой, а критики такое не любят – кому понравится кекс без начинки, кроме разве что истинного любителя?

И вот – о, чудо! – то, что нужно: предпоследняя страница представляла собой лист закупок. Причём не какого-нибудь продовольствия, одежды или обуви, которые нужны даже солдату-срочнику, а того, что просто не могло не привлечь внимание публицистов – военной техники и оружия. Сумма закупки по тем временам впечатляющая – идеально! Трижды проверив верность своей таблицы, Анне потребовалось всего десять минут, чтобы подвести итог и наконец закончить свой анализ. Завершив работу, которая отняла почти все её силы, студентка с нескрываемым волнением поставила точку и с нескрываемой радостью вписала в заглавие статьи свои инициалы чуть ниже инициалов дяди: Козельская А. В.

Безусловно, для Анны это был повод для гордости – первый серьёзный опыт работы в архиве, первое соавторство, да и присутствие такой статьи в списке литературы украсит любую дипломную работу. Оставалось лишь уложить сумку, разложить всё по местам и можно отправляться домой, на заслуженный отдых.

– Когда публиковаться будешь? – укладывая в сумку карандаш, спросила она дядю.

– Через две недельки, наверное, – ответил он, сохраняя полученную работу на носитель, – Думаю, в шестом выпуске «Ивестника» уже выйдет.

Заметив светящееся радостью лицо девушки, Савелий Валерьевич спросил:

– Довольна?

– Спрашиваешь! – со спокойной совестью крутясь в кресле, радовалась его племянница.

– Ты бы это, убрала всё обратно! А то потом...

– Да-да, я помню! – поспешила она успокоить своего сварливого дядьку и прекратив крутиться, начала собирать папку обратно.

Закусив нижнюю губу, скрючившись в три погибели в своём кресле, Анна принялась подшивать бумаги. За годы хранения здесь скреплявшая пару-тройку сотен листов бечёвка уже приобрела строгую форму и никак не хотела её менять в руках девушки. Пальцы, настроившие за несколько часов работы километры текста, предательски не слушались. От усталости Анна даже плюнула на правила, принявшись укладывать по десять, а то и двадцать листов за один присест. Наконец, с грехом пополам закрепив все документы на своём месте, она понесла тяжеленную папку к шкафу.

И здесь ей снова не повезло: уже укладывая папку на своё законное место, два листа с предательским шорохом вывалились из уже подшитой Анной папки – пытаюсь уложить поскорее, ленивая студентка пропустила их в целой стопке закреплённых за один подход. Тяжело вздохнув, морально подготовившись к повторению всего пройденного пути, Анна положила папку на стол для каталогов и пошла поднимать с пола выпавшие листы. Разделив папку снова, она принялась искать, откуда именно они выпали.

И тут серо-голубые глаза сами собой соскользнули на строчку с поимённым списком офицерского состава, когда-то участвовавшего в одной из операций в Чечне: какой именно, определить невозможно – начальная и конечная страница были среди уже подшитых. Среди десятка фамилий офицеров, участвовавших в одном из боёв, Анна обнаружила одну до боли знакомую строчку. От волнения у неё сразу перехватило дыхание, а рот сам собой раскрылся в изумлении. Несколько секунд Анна просто не сводила взгляда с обычного на вид листка бумаги. Второй лист выскользнул из негнущихся пальцев, с шорохом улетел куда-то в сторону – запись, столь сильно изменившая её в лице, гласила:

«Козельский В. В., старший лейтенант, ВДВ»

Это было практически невозможно, и сначала голова Анны просто отказывалась верить собственным глазам: не может быть... Здесь? Через столько лет? Как такое вообще возможно? Анну окликнул Савелий Валерьевич, но та его уже не слышала: девушка буквально впилась глазами в тщедушную бумагу, на котором чёрным по белому были написаны инициалы её родного отца. Отказываясь верить в происходящее, Анна судорожно набросилась на папку с документами. Бледными от усталости, дрожащими пальцами она что-то активно искала.

– Что ты делаешь? Осторожней! – сразу закричал её наставник и, попытавшись остановить помощницу, схватил Анну за руку.

Сама не своя, племянница немедленно переключилась на своего дядю – мёртвой хваткой она вцепилась в его жилетку и, сверкая уже влажными глазами, тихо спросила:

– Какое воинское звание было у моего папы?

Мужчина впал в ступор: горько плачущая при любом о нём упоминании племянница теперь сама задаёт вопросы о его старшем брате! Сначала Савелий Валерьевич решил, что просто ослышался, и тогда Анна не выдержала и закричала во весь голос:

– Отвечай!

– Лейтенант! – испуганно выпалил он.

– Какой? – не унималась она. Глаза девушки всё сильнее блестели.

– Старший... Кажется.

Вот и всё – призрачная надежда, что это просто однофамилец, осталась где-то позади. Трепещущими от волнения руками побелевшая Анна с силой прижала к груди злосчастный лист. Губы девушки жалобно задрожали: приехав помочь со статьёй дяде, она не могла и представить, что найдёт фамилию своего папы здесь, среди ранее засекреченной архивной документации. Часто дыша, заметно покривив лицом, несколько секунд Анна как могла сдерживала себя, но потом на совершенно ватных ногах тихо сползла по стене на ледяной кафель архивного зала и уткнувшись лицом в колени, горько заплакала.

В комнате воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь судорожными всхлипами. Худенькие девичьи плечи тряслись от рыданий. Как? Откуда он тут взялся? Возможно, уже никто и не узнает – закрыв лицо коленями, она с силой прижала к себе листок с фамилиями, отчего тот весь смялся. Ей уже было плевать, что это за документ: теперь Анна чувствовала себя как минимум его частицей, ведь там значился её родной отец. Стараясь не потревожить бедняжку, Савелий Валерьевич на цыпочках подошёл к своей племяннице, осторожно присел с ней рядом и всё понял: по остренькому подбородку градом катились слёзы.

Прошло, наверное, минут пять, может больше, прежде чем дядя решился попробовать успокоить Аню, ибо знал: в таких случаях успокаивать его племянку сразу было совершенно

бесполезно – девочке необходимо выплакаться. Савелий Валерьевич достал из одного из карманов жилетки носовой платок и аккуратно вложил его в безвольно повисшую ладонь. Девушка медленно оторвала лицо от коленей. В высшей степени очаровательное лицо Анны было красным и совершенно заплаканным. На щеках её всё ещё красовались характерные влажные дорожки. Всхлипнув ещё раз, Анна звучно высморкалась, и дрожащей рукой отдала дяде измятый лист. Внимательно присмотревшись, мужчина удивился: он и не знал, что его младший брат участвовал в тех боях. Да и откуда – документы были тогда секретные...

– Я хочу знать всё, – дрожащим, рыдающим голосом, но при этом абсолютно чётко, так чтобы дядя просто не смог её не расслышать, заявила она.

– Уверена? – лишь уточнил дядя Анны: его любимица была настроена решительно, но он не хотел ей лишнего нервного срыва.

Аня слегка кивнула, а потом тихо добавила:

– Я не уйду отсюда... Пока всё не узнаю.

– Сомнения отпали – племянница готова упрямяться. Видя это, Савелий Валерьевич медленно встал, подошёл к шкафу и достал с верхней полки тоненькую папку, коих там было предостаточно. Взяв её из рук дяди, Анна сразу принялась читать. Она не задалась вопросом, как личное дело отца здесь оказалось, важно было лишь то, что в её белых, тонких ладонях лежала частичка биографии её родного папы. На первой странице его дела лежала выписка, датированная 22-ым июня 2001 года.

«Козельский, Вячеслав Валерьевич.

Родился 19 марта 1974 года в г. Белгороде. Образование – среднее полное (гимназия №1 г. Белгорода). Призван для прохождения военной службы по призыву 30 апреля 1993 г. в воздушно-десантных войсках РФ. В 1998 г. окончил Михайловское высшее артиллерийское командно-инженерное училище по специальности «инженер-электромеханик». Место прохождения службы – 1141-ый гвардейский артиллерийский полк в составе 7-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии в г. Анапа, командир самоходно-артиллерийского взвода. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.12.1994 №2166 с 9 сентября 1999 года по 20 мая 2000 года проходил военную службу в Чеченской Республике. Присвоено звание старшего лейтенанта ВС РФ 2 июня 2000 года. Уволен в запас 20 июня 2001 года. Семейное положение – женат, есть дочь.»

Для Анны такой огромный объём информации стал самым настоящим откровением: из-за крайне болезненного восприятия его смерти о папе никогда не говорили в её присутствии. Именно поэтому здесь, в личном деле было много того, о чём ей давно пора было узнать. В особенности тщательно Анна разглядывала его фотографию: с чёрно-белого снимка на неё смотрел молодой парень двадцати лет, каким когда-то младший брат Савелия Валерьевича прибыл на службу. Этот острый нос и подбородок, которые унаследовала его дочь, широкие плечи, короткие русые волосы, высокий лоб и сравнительно небольшой разрез глаз, цвет которых по снимку определить не удавалось, буквально впечатались ей в память.

Отложив выписку чуть в сторону, Анна бережно перелистывала страницу за страницей. Перед глазами девушки пробежали копия его школьного аттестата, выписки из больницы о медосмотре, документы об участии в боевых операциях, выписка из госпиталя о ранении, из-за которого папу и отправили на время в запас. Наконец закрыв дело, Анна с каким-то внутренним облегчением выдохнула. Савелий Валерьевич понял: ей стало легче. Душа Анны успокоилась, перестала так сильно горевать о потере, по крайней мере, в данный момент.

И всё же в голове кое-что не сходилось.

– Он погиб на службе? – спросила Анна.

Её дядя в ответ лишь отрицательно помотал головой.

– А что с ним случилось? – удивительно спокойно спросила она.

Савелий Валерьевич задумался: с виду его племянница успокоилась, а потому должна спокойно воспринять обстоятельства смерти папы. Однако столько информации о нём и без того были для Анны большим стрессом и ему не хотелось в случае неудачи отпаивать её успокоительным. Посоветовавшись с полминуты с самим собой, дядя снова достал носитель, подключил его к ещё работающему компьютеру. Мужчина открыл там какой-то документ, а затем позвал Анну к себе. Перед ней открылась копия старой вырезки из газеты «Наш Белгород» от 17 июля 2001 года:

«Снова труба?

Вчера, в период с 2 до 3 часов дня, в центре города на ул. Народной произошло очередное зверское убийство: возле пересечения с ул. Воровского неизвестные на чёрном внедорожнике зарубежной марки заблокировали движение водителю «Москвича – 2141», а затем открыли огонь из пистолета, после чего скрылись в неизвестном направлении. От полученных ранений мужчина около 30-ти лет скончался до прибытия «скорой помощи». Обстоятельства произошедшего выясняются оперативной группой милиции – на данный момент личность водителя устанавливается, нападавшие объявлены в розыск. Всех, кто стал очевидцем произошедшего, просьба обратиться по телефонам, указанным ниже»

Ниже должны были быть приведены списки телефонов, но в отсканированном варианте вырезки их почему-то обрезали. Девушка с трудом держала себя в руках, и даже не столько от факта самого упоминания о смерти папы, сколько от того, насколько скудно и сухо это было обыграно журналистами. Практически ничего не было написано о нападавших: кто они, что её папа сделал такого, за что его могли убить, и главное – кто был вместе с ним.

Изредка с племянницей Савелия Валерьевича бывало такое, что она вспоминала, будто бы случайно натыкалась на события из самых дальних уголков памяти – настолько дальних, что сама она никогда бы туда не попала. Это не было похоже на обычные воспоминания – такие события Анна помнила годами, как будто это произошло вчера. Внешне практически незаметно для остальных, она могла провести в своей голове час, а то и два. И именно в эту секунду Анна вспомнила одну очень важную вещь. Картинка, до этого всё расплывавшаяся в голове, внезапно проявилась: она была тогда в машине! Там, на заднем сидении! Вспомнила визг тормозов, удар головой, смутные очертания папы, который своим низким голосом кричит своей дочке: «Беги, скорей». Он открыл ей заднюю дверь машины...

И всё – дальше провал. Воспоминания всегда заканчивались так же внезапно, как и начинались. Анна силилась вспомнить, ходила взад-вперёд по пустой комнате, тёрла виски – всё бесполезно. За прошедшие без малого шестнадцать лет воспоминания, такие страшные и такие ценные сейчас, окончательно вылетели у неё из памяти. Наконец отбросив попытки вспомнить эти события, Анна глубоко вздохнула. С отсутствующим лицом она улеглась за свободный стол и спокойно спросила:

– Их потом нашли?

– Нет, – тихо ответил дядя – Примет было слишком мало, да и время было такое – сама знаешь. Кажется, их и искать не пришлось – через полтора месяца зачистка была в городе, с тех пор убийств в городе больше не было.

Эти слова чуть ослабили долгое время натянутый до предела узел в девичьем сердце. И всё равно ей было страшно даже представить – среди бела дня, в центре, прямо в машине... Такой смерти не заслуживал никто, и уж тем более – её папа. В голове у Анны крутились слова, которые она невольно произнесла вслух:

– Как бы я хотела его увидеть сейчас... – и добавила, – Я бы всё за это отдала.

Неожиданно взгляд дяди изменился – из обеспокоенного, даже виноватого он вдруг стал абсолютно серьёзным и уверенным. Всерьёз задумавшись, мужчина задал ей только один вопрос:

– Ты уверена?

Не понимая, к чему был задан этот вопрос, Анна спокойно кивнула. В ответ Савелий Валерьевич спешно собрал вещи и, уверенной походкой направившись к выходу, поманил племянницу рукой. С чувством полного непонимания, что происходит, Анна доверчиво пошла за ним.

На выходе из архива её уже ждал остановившийся неподалёку «Москвич». Стекло опустилось, из него высунулся дядя и коротко сказал:

– Садись.

Ни минуты не медля, Аня залезла в машину, которая когда-то принадлежала её папе. С момента смерти прошлого владельца автомобиль, возраст которого уже перевалил за третий десяток, сильно изменился: сиденья обиты синтетикой, руль оборудован гидроусилителем, а приборная панель заменена на совсем новую, с индикаторами, приятно подсвеченными флуоресцентной зелёной краской. Нога дяди медленно нажала на педаль газа и двигатель в ответ немелодично затарахтел. Вырулив на дорогу, они с Анной поехали в сторону центра.

На Москву медленно, но верно опустилась ясная весенняя ночь. Из вечерних сумерек уже угрожающе показывались грозовые тучи – верные спутники приближающегося дождя. Идеально ровное шоссе Кремлёвской набережной так и взывало водителя разогнаться ещё сильнее, но Савелий Валерьевич строго держался скоростного режима. Справа, насколько хватало взгляда, тянулись краснокирпичные стены Московского Кремля. Свежий вечерний воздух из открытого окна приятно обдувал лицо Ани через настежь открытое окно. В порыве нахлынувших на неё чувств девушка распустила свой взъерошившийся за день хвостик. Шум проезжавших мимо машин заглушал старенький карбюраторный двигатель их «Москвича». Подумать только: Анна раньше не любила его тарыхтение и сравнивала машину с древним драндулетом. Но сейчас, когда правда открыла ей глаза, она ехала в нём с эмоциями, которые трудно было передать словами даже ей самой. Машина отца – подумать только...

Одновременно её золотоволосую голову мучили вопросы – куда они едут? Зачем? Что это может изменить? И всё же она не решалась задать их дяде: что, если он развернётся, и она так никогда и не узнает, что он задумал?

Вскоре «Москвич» свернул на Большую Пироговскую улицу и остановился у длинного двухэтажного здания с металлическими решётками на окнах и тяжёлой старинной дверью, вывеска на одной створке которой гласила: «Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)». Савелий Валерьевич заглушил двигатель, его племянница вылезла из машины и огляделась: вокруг не было ни души. На противоположной стороне улицы, у самого края сквера Девичьего поля, зелёные насаждения которого начинались рядом и тянулись аж на всю видимую часть улицы, стоял бронзовый памятник: кому именно, Анна в темноте не разобрала – обзор ей загородил прошуршавший мимо троллейбус. В воздухе заметно посвежело, фонари окрасили улицу в романтический оранжево-жёлтый тон.

Внезапно позади что-то щёлкнуло. Анна обернулась и обомлела: пока она осматривала окрестности, дядя уже успел открыть тяжеленную дубовую дверь архива. «Откуда он ключи взял?» – поспешила было спросить Анна, но отчего-то промолчала. Её всё сильнее тревожило предчувствие, что здесь кроется что-то нехорошее. Тем не менее, она продолжала верить своему дяде, и когда Савелий Валерьевич снова поманил её за собой, девушка последовала за ним внутрь.

Внутри не было видно ничего, только точки датчиков пожаротушения где-то в глубине залов на долю секунды вспыхивали кроваво-красным – этот архив был закрыт на выходные. Закрыв за Анной дверь, дядя достал из одного из карманов жилетки маленький карманный фонарик и смело полез в стоявший на входе щиток. Анна не увидела, что он там сделал, но через несколько секунд лампы дневного света разрезали непроглядный мрак. В отличие от предыдущего архива, главный зал этого пребывал не в лучшем состоянии: пара ламп была неисправна и они постоянно мигали. От входа по светлому линолеуму веером тянулись харак-

терные затёртости от ног людей, когда-то побывавших здесь. Штукатурка на стенах и потолке уже начала давать витиеватые трещины, грозясь вот-вот осыпаться на посетителей. Коробки с документами и литературой, в давние времена идеально упорядоченные в своих шкафах, теперь практически все съехали относительно своих мест. Вся эта картина напоминала обычную библиотеку, совсем недавно людную, а теперь преданную забвению.

Анне было не по себе от самого факта, что они так бесцеремонно вламываются, и всё равно она старалась успокоить себя мыслью: «Мы ведь не собираются его грабить... Надеюсь». Оглядевшись по сторонам, она неожиданно заметила – камеры наблюдения, которым положено работать круглые сутки, сейчас безжизненно висели, уставив свой беспристрастный электронный взор вниз. Наивным голосом Анна спросила своего дядю:

– Это... ты их вырубил?

– Ага – самодовольно заявил тот с хитрой улыбкой на лице.

– Зачем? И вообще, куда мы идём? – не выдержав, задала вопрос Анна.

– Скоро сама всё узнаешь.

Хитрая улыбка не сходила с лица Савелия Валерьевича. Анне уже стало не до шуток, она стала всерьёз беспокоиться: что он задумал? Зачем? Впрочем, зачем как раз понятно – она сама захотела увидеть отца. Но как она увидит папу, если с момента его смерти прошло почти шестнадцать лет? Немного пораскинув мозгами, в голове Анны даже появилась более-менее правдоподобная версия происходящего: «А что, если он всё это время хранил видеозаписи из горячей точки по просьбе папы, а не показывал их столько времени из-за секретности? Поэтому они и хранились в ГАРФ – почему нет?! Всё сходится!»

Теперь, придумав объяснение всему происходящему, радостная Анна чуть ли не бежала за своим дядей Саввой – мужчина уже открывал тяжёлую, измазанную несколькими слоями краски железную гермодверь с надписью: «Посторонним вход воспрещён». Дверь была довольно тяжёлая и толстая, сантиметров десять толщиной, если не больше, так что Савелию Валерьевичу пришлось изрядно повозиться, чтобы её открыть. Но гораздо больший сюрприз представляло собой то, что скрывала за собой эта со скрипом отворившаяся дверь.

Спустившись по короткой винтовой лестнице из чугуна, они оказались в до крайности странной комнате: довольно просторная, изогнутая в форме буквы «Г», она была не похожа на архивную – никаких полок, никаких книг или папок. В глубине комнаты Анна в темноте успела разглядеть что-то похожее на сервер, когда буквально через секунду включился свет – это дядя повернул рубильник у лестницы. Несколько ярких лампочек накаливания своим неестественно белым светом озарили комнату, в особенности – три её точки. Первая – левый ближний угол, где хранились так знакомые всем нам с детства по кабинету педиатра ростомер, весы, штангенциркуль и линейка. «Хм... Вполне безобидно. Но что можно делать в архиве штангенциркулем?» – подумала Анна.

В дальнем левом углу, втором освещённом уголке комнаты, стоял стол с допотопным, ещё советским компьютером «Электроника» с подключённым к нему стареньким ламповым монитором, экран которого был весь покрыт тонким слоем пыли. Сервер, который разглядела Анна в темноте, оказался банальным хитросплетением проводов, с виду хаотично связывающих почти два десятка каких-то приборов – каких точно, на глаз определить она не смогла. Пройдя мимо Ани, дядя начал в какой-то известной лишь ему очередности включать аппаратуру, затем снова одел свои очки и сел за компьютер.

– Теперь понятно, почему ты их носишь. Протёр бы пыль, что ли... – то ли случайно, то ли преднамеренно сказала про себя Анна.

Снисходительно улыбнувшись, Савелий Валерьевич как ни в чём не бывало продолжил работать. Заинтригованная, Анна подошла поближе к своему дяде и увидела дальний, ранее закрытый для обзора стеной третий освещённый закуток. Тут-то её взору и предстало то, ради чего, похоже, всё это и строилось: огромное, почти три метра в диаметре и сантиметров трид-

цать шириной, стальное кольцо, исчерченное аккуратно зашлифованными следами сварных швов. К кольцу вёл широкий металлический пандус, заканчивающийся небольшой площадкой с перилами по бокам. Любопытство уже мучило Анну, и она, немного робея от нерешительности, задала вопрос дяде:

– Дядь... А что это?

Всё ещё слегка улыбаясь, Савелий Валерьевич повернулся к своей племяннице, достал платок и, протерев очки, заговорил с Анной:

– Ты сказала, что хочешь увидеть папу?

– Да, – подтвердила она свои прежние слова, – Но я не понимаю, для чего ты меня сюда притащил.

Вздыхнув, мужчина нацепил очки на нос.

– Присядь, пожалуйста. Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Внутренним чутьём понимая, что во всём этом кроется какая-то страшная тайна, Анна присела рядом с ним. Хлипкий деревянный стульчик недовольно скрипнул под её весом. Собравшись с мыслями, Савелий Валерьевич заглянул своей племяннице прямо в глаза, и немного философским тоном заговорил:

– Милая... Как историк, и притом очень хороший (от таких лестных слов Анна аж засмушалась), ты знаешь, что наш долг – хранить истину, историю, и в особенности – историю своего государства. Это наша обязанность: беречь любую информацию о событиях, произошедших в этом мире. Но иногда бывает так, что информация эта либо безвозвратно утеряна, либо настолько противоречива, что истолковать её невозможно. И вот однажды у кого-то родилась идея – чем искать правду, не легче ли её увидеть собственными глазами?

– Я не понимаю... – перебила его Анна.

– Не перебивай! Сама понимаешь, постоянно следовать за всеми событиями мы не в силах, на это попросту не хватит людей. И только где-то на заре перестройки родилась идея – увидеть, как вершится история,... – здесь он выдержал длинную паузу, – Повернув время вспять.

– То есть...

– Да, Ань – Савелий Валерьевич весь засиял – Отправиться в прошлое, чтобы узнать правду.

В изумлении у Анны тут же отвалилась челюсть – её дядя не такой, чтобы шутить такими вещами. Но если это правда, значит... Это правда?

– Ты это серьёзно?

– Абсолютно. Не удивляйся, ты ещё многого не знаешь – заверил он её, – В конце 80-ых годов под грифом «Совершенно секретно» СССР был создан проект «Шкала-88», целью которого стало создание машины по перемещению в пространстве-времени. Привлекали лучших: физиков, инженеров, математиков – кого только не брали! Столько было проделано работы, столько усилий и средств было вложено! И вот, после двух лет теории наконец придумали, как это сделать! Не буду объяснять тебе про кротовину Морриса-Торна, про её стабилизацию и всё такое – ты всё равно не поймешь. Честно говоря, я и сам уже не помню всю эту теорию – нехотя признался Савелий Валерьевич, – Так или иначе, это был прорыв. Советские учёные – первые путешественники во времени! Представляешь?

Заворожённая Анна больше не могла произнести ни слова. Сейчас она всеми фибрами души нацелилась на то, чтобы не упустить ни единого слова, сказанного дядей.

– И начали строить. Жутко дорогое, надо сказать, было дело: высочайшие уровни секретности, высочайший уровень технологий, всё лучшее науке! – словно взывал он, – Всего планировалось построить пятнадцать машин – по одной в каждой союзной республике.

В этот момент Савелия Валерьевича словно что-то остановило. На секунду в комнате воцарилась мёртвая тишина.

– Но всё пошло наперекосяк – в дело вмешалась политика, и... – начал было он что-то рассказывать, но потом переформулировал свою фразу, – Союз начал распадаться. Пришлось срочно сворачивать проект в Прибалтике – отойди они Западу, мы бы просто подарили им давнюю мечту человечества! Уничтожили всё, что вообще напоминало о том, что СССР создавал машину для перемещения во времени. Тогда же, в 91-ом было показано, что создав несколько таких машин, можно будет совершенно свободно между ними перемещаться. Тогда и появилось название – «ламповый пространственно-временной портал», сокращённо ЛПВП.

Взбудораженная Анна не сводила со своего дяди глаз. Лицо её не выражало ничего, кроме удивления: столько лет скрывать такую тайну – и только сейчас рассказать. Но зачем?

– Планы поменялись: с учётом политической ситуации порталы решили строить в семи городах – Москве, Киеве, Минске, Харькове, Новосибирске, Владивостоке и Архангельске. Но даже тут мы не успевали за событиями – Беловежское соглашение поставило на СССР и на нашей идее жирный крест. Естественно, такого никто не планировал: половина ЛПВП оказались, по сути, за рубежом. Проект даже поначалу решили свернуть – демонтировали портал в Киеве, в Харькове уже начали. Статус секретности позволял их легко вывезти под видом – ха! – радиолокационных установок.

Весело усмехнувшись, Савелий Валерьевич снова выдержал паузу.

– И здесь нас ждало что-то невероятное: была дана команда сверху – закончить проект «Шкала-88», чего бы это ни стоило. Срочно было принято решение продолжить строить машины, оставшихся в России. Потом ещё Минск подключился, – в глазах дяди Анны горел огонь радости, – К июлю 92-го был готов портал в Новосибирске, в сентябре закончили московский, а к ноябрю и остальные три доделали. Однако ещё оставался ЛПВП в Харькове: Украина не захотела с ним работать, более того, грозились раскрыть нашу тайну. Пришлось срочно эвакуировать детали Харьковского ЛПВП в ближайший город в России – Белгород. Там к этому делу и подключили меня: сопливый второкурсник местного физфака, зелёная вошь в глазах учёных, – в словах дяди так и чувствовалась нотка ностальгии – Вся система ждала нас. И вот, 4 августа 1993 года, всё заработало – система полностью вступила в строй.

Погрузившись в счастливые воспоминания, дядя Савва словно забыл про то, что рядом с ним кусает локти его племянница.

– Фантастика...

– Да? А тогда это было вполне реально! – сказал он, добавив – Правда, через два дня экспериментов начались проблемы. Сначала, при передаче тонового сигнала, обнаружилось, что дальше времени запуска машины мы перемещаться просто не сможем. Это сейчас мы понимаем, что оно и к лучшему – кому-нибудь могло прийти в голову возрождение СССР, а это бы катастрофически повлияло на историю. А тогда это было просчётом, стоившим кому-то карьеры. Через два месяца пошли опыты на живых организмах – лягушки, запущенные в прошлое, не выжили. Вся идея оказалась под вопросом. К счастью, проблему сумели решить. Потом даже людей запускали – и я был в числе добровольцев. Да-да, не смотри так на меня! – щёлкнул мужчина по носу ошарашенную Анну – Можно сказать, я на одиннадцать часов старше, чем кажусь – неплохой повод для гордости, согласись?

Анна уже не знала, как к этому относиться – смесь ужаса и восторга одновременно переполняла девушку изнутри.

– Впечатляет, правда?! – спросил её дядя и, не дожидаясь ответа, тяжело вздохнул – Подумать только: такие результаты всего за полгода, и достаточно одной директивы, чтобы поставить крест на всём: в новогоднюю ночь 94-го проект «Шкала-88» свернули: предлог – «экономическая нецелесообразность». К каждому ЛПВП приставили свою организацию, которая занималась историей, и велели держать язык за зубами. У меня отобрали мечту, – с горечью в голосе заявил он, – Но я не сдался: я уже был готов на всё, чтобы вернуться сюда. Закончил исторический факультет, начал карьеру с нуля – почти шесть лет прошло, прежде чем меня

восстановили в должности. В тот день, когда мне сказали, что я снова буду здесь работать, я радовался, как ребёнок! – признался дядя, – А в сентябре 2001-го меня перевели сюда. С тех пор эта тайна под семью печатями хранилась здесь, в ГАРФе. Теперь ты, Анечка... тоже о ней знаешь.

– Если это такая тайна, зачем ты мне всё это рассказываешь? – удивление будто приклеилось к этому светлому личику.

Дело в том, что... Буквально два дня назад пришло письмо. В нём был, даже не знаю как сказать – задумался Савелий Валерьевич, – приказ: свернуть работу. ЛПВП уничтожить, а работающих с ним людей премировать и отправить восвояси. Чёрт бы их побрал!

Негодую, мужчина яростно стукнул кулаком по столу, заставив Анну вздрогнуть.

– Прости... – спокойно извинился он, – Теперь, когда оно, по сути, в моей власти, я готов тебе помочь. Ты хотела увидеть своего отца? Ты его увидишь. Только помни – об этом никто не должен узнать. Никто, даже твоя мама. Ты согласна?

Потрясённая Анна ничего не ответила – вместо этого она просто кинулась обнимать своего дядю. Из серо-голубых глаз снова текла солёная вода, только это были не те горькие слёзы боли утраты, что лились всего час назад – то были самые настоящие слёзы счастья. Всё вокруг казалось Анне сказкой, сном, из которого она никак не могла проснуться: после стольких лет страха, неужели она и вправду может его увидеть: папу – родного, любимого? Не может быть! Такая возможность выпадает лишь раз в жизни и её она уж никак не могла упустить – только не сейчас.

Наконец успокоившись, Анна вытерла заплаканное лицо и коротко ответила:

– Я согласна.

– Отлично! – воскликнул дядя Савва и указал на угол с весами и ростомером, – Сперва иди вон туда, измерим твой вес, рост и всё остальное.

Девушка послушно последовала за ним. Помимо роста и веса, мужчина измерил Анне высоту и ширину плеч, объём груди, обхват талии и бёдер, длину ног и рук, спросил размер ноги, а потом зачем-то ещё и окружность головы – тут ей даже пришлось чуть пригнуться, чтобы дядя смог разглядеть результат. Затем Савелий Валерьевич попросил её посидеть, а сам начал что-то строчить на клавиатуре. Цифры, цифры, цифры – хоть девушка и не была «полным гуманитарием», но после сегодня от кучи чисел на экране у неё в глазах уже бегали мушки. Анна немного занервничала, когда дядя что-то забормотал про «естественность её желаний». Ноги девушки начало сводить от холода: что теперь дальше? Он это что, серьёзно?

Наконец забив все параметры в компьютер, дядя Анны неожиданно строго заговорил:

– Итак, дорогая моя, тебе предстоит первый перенос в пространстве-времени, поэтому я обязан тебя проинструктировать. Пожалуйста, выслушай меня очень внимательно! Старайся запомнить всё, что я скажу.

В ответ Анна кивнула и тут же притихла на своём стуле. Несмотря на больные ноги, мужчина принялся быстро расхаживать стороны в сторону.

– Первое – начал он суровым тоном командира, – Я тебя отправлю сразу в Белгород, дабы не связываться с поездами. Ты прибудешь в 16 июля 2001 года, в 12:50. Где-то в 14:30 твоего отца убьют, так что на всё про всё будет у тебя больше полутора часов. После того обстрела он был ещё жив, но умер до приезда «скорой помощи», так что у тебя будет время, чтобы поговорить с ним до того, как приедут медики. В 16:00 по местному времени – как штык обратно! Поняла?

– Поняла – сконцентрировавшись на запоминании, сказала Анна.

– Второе, – продолжил дядя столь же сурово – Когда окажешься в прошлом, ни с кем не разговаривай. Не вступай в контакт с окружением, лучше вообще избегай людей. Любой избыточный контакт с другим временем может вызвать необратимые изменения будущего – про «эффект бабочки» и «парадокс убитого дедушки» знаешь?

– Знаю – путешественнице во времени стало страшновато от этих слов.

– Хорошо – значит объяснять, почему, не придётся – заключил Савелий Валерьевич, – Избегай толпы. Сторонись улиц, где часто гуляют люди. Учти – второй попытки не будет! Обычно в таких ситуациях изучают карту, но я думаю, ты и сама сориентируешься: в конце концов, ты ж оттуда родом – довольно подмигнул он ей.

– Если честно, я плохо помню, что там да как – сомневалась Анна, – С картой всё же понадежней.

– Окей. Третье – вся одежда и вещи тоже должны быть из того времени, всё по той же причине – избежание парадоксов пространственно-временного континуума. Поэтому по прибытии ты должна будешь полностью переодеться.

– Что? – услышав такое, Анна тут же выпала в осадок.

– Я серьезно! А ты думаешь, для чего я тебя тут измерял? Новый комплект одежды тебе выдадут. Я отправил запрос на подгонку под твой размер и комплекцию. При отбытии то же самое. Не переживай, – поторопился он успокоить свою ужасно стеснительную Аню – всё под контролем: использованный комплект одежды после будет уничтожен.

– Поняла – заметно смущённая, Аня ещё переживала за то, что кто-то посторонний будет подбирать ей глубоко личные вещи.

– Четвёртое – на том конце тебя будет встречать временной проводник. Он должен тебя накормить, выдать вещи, карту людных мест на данный период и кое-какие документы. Так уж получилось, что принимать и отправлять тебя будет один и тот же человек – то есть я. В этом смысле тебе немного не повезло... – заметил Савелий Валерьевич.

– Почему? – сразу заинтересовалась Анна, – Стыдишься прошлого себя?

– Нет, просто он даже не знает, что это я сам ему послал запрос. Более того – он также не знает, что ты его взрослая племянница. Возможно, прошлый я начнёт расспрашивать тебя о будущем и о том, кто ты на самом деле. Ни в коем случае не рассказывай ему ничего о себе! Ни слова! Иначе конец. Поняла?

– Поняла.

– И наконец, пятое – ни в коем случае ничего не меняй в своей жизни. Если встретишь там, на месте, себя из прошлого, не вздумай её даже пальцем тронуть! Знаю, тебе захочется успокоить и утешить девочку, потерявшую ро-э-э-э... отца – оговорился было дядя, – Помни: эта девочка – ты сама! И каждое твоё вмешательство влияет на твой собственный характер, а из-за этого может получиться так, что твой полёт в другое время вообще не состоится. Понятно?

Анна вяло кивнула дяде – после такого инструктажа на его племяннице не было лица. Видя это, Савелий Валерьевич снова сел в своё кресло, положил ладони ей на плечи и уже доверительным, добрым голосом, к которому его племянница так привыкла, сказал:

– Не нервничай, технология отработанная, ошибок не было уже много лет. Всё получится. Я люблю тебя! – и нежно похлопал её по плечу.

Сначала загнав в этот уголок страха, теперь дядя внушал ей добрую надежду и Анна ничего лучше не придумала, кроме как сказать:

– И я тебя люблю.

– Ну всё, поехали!

Собравшись с мыслями, Савелий Валерьевич молча провёл Анну на платформу, забрал у неё телефон и плеер, а сам снова уселся перед монитором. Нехотя расставшись со своими гаджетами, уняв дрожь в коленях, Анна встала точно по центру толстого стального листа.

– Руки по швам и не шевелись – скомандовал ей дядя.

Внезапно стальное кольцо стало медленно вращаться вокруг своей оси. Спустя десять секунд, сделав примерно четверть оборота, кольцо остановилось. Одновременно откуда-то из-за него выдвинулись восемь антенн вроде телевизионных. Восемь полуколлец, похожих на боль-

шие электромагниты, появились вслед за ними, создав круг, где-то в два раза меньший кольца-основы. Двигаясь разнонаправленно в четыре ряда, электромагниты начали медленно разгоняться. По антеннам пробежали первые электрические разряды.

Небольшая комната наполнилась шумом. С каждой секундой полукольца всё сильнее сотрясали воздух. Стартовая площадка стала неприятно трястись, но Анна словно каменная стояла, вцепившись пальцами в джинсы, и боялась даже пошевелиться. Волосы на голове её угрожающе зашевелились, словно приготовились встать дыбом.

– Когда сзади ударит свет, крутанись в прыжке – быстрее улетишь! – крикнул ей сквозь грохот установки дядя.

– Хорошо! – кричала ему вслед Анна.

– Удачи!

Стоя возле пандуса, дядя помахал ей рукой на прощание. Осторожно оторвав ладонь от джинс, Анна неуверенно помахала ему в ответ: спиной она уже чувствовала, как разряды тока бьют всё ближе к её телу, и нервничала оттого ещё сильнее. Грохот стал уже невыносимым.

И тут сзади ударила не просто яркая – ослепительная, режущая веки вспышка света. Анна немедленно подпрыгнула, стараясь в полёте крутануться, но её и без этого уже со страшной силой затягивало куда-то в неизвестность. Последнее, что она видела – это как дядя, будто в замедленной съёмке, закрывает глаза от ослепительно яркого луча позади неё.

Вспышка тут же погасла. Убрав руки от своих глаз, Савелий Валерьевич посмотрел туда, где секунду назад стояла его племянница, но Ани там уже не было. Московской ЛПВП начал сбрасывать обороты: последние разряды отгремели по антеннам, а его шум перестал крушить барабанные перепонки. Немедленно доковыляв до своего компьютера, дядя Анны поспешно открыл нужную вкладку и в строке «Состояние переноса» увидел: «Завершено успешно». И с облегчением вздохнул, победно вскинув руки вверх:

– Ух! Получилось.

Глава 2

Срезанные корни

Тьма со страшной силой давила на глаза. Тело полностью растворилось в абсолютной темноте: глядя в эту пустоту, Анна не видела даже собственного носа, не могла понять, что происходит – где верх, где низ и где вообще находится. Убивающая тишина закладывала ей уши. В страхе зажмурившись, девушка уже было приготовилась к худшему, когда темноту разрезала новая ослепительная вспышка.

Через долю секунды под ногами снова появилась твердь. Приземлившись, Анна тут же запуталась в ногах, кубарем полетела вниз с металлического пандуса, перелетев через голову, рухнула на спину и больно приложилась затылком об бетонный пол. В воздух немедленно взвилось облако режущей ноздри пыли, отчего Анна громко закашлялась. Волосы сразу же растрепались и сплошным слоем облепили ей лицо. Что-то очень похожее на звук турбины самолёта больно ударило по ушам. Кое-как раскрыв веки, сквозь собственную шевелюру Анна разглядела потолок – там, где слой бетона уже начал осыпаться, торчала оранжево-жёлтая, проржавевшая насквозь арматура. Вскоре ЛПВП стих и Анна услышала чей-то молодой мужской голос, весело коверкавший приветствие стюардесс в самолёте:

– Добро пожаловать в 16 июля 2001 года! Время 12 часов 50 минут, температура за бортом двадцать четыре градуса по Цельсию! На улицах Белгорода переменная облачность, местами порывистый ветер, без осадков. Спасибо, что выбрали РосПорталТранс!

Убрав пряди волос от лица, Анна увидела перед собой молодого человека, идеально вписывающегося в образ советского инженера: рубашка в клеточку, на голове идеальный пробор чёрных как смоль волос, светло-серые брюки на ремне с латунной бляхой и крепкие руки с красными мозолистыми ладонями, одну из которых он протягивал растянувшейся на полу незнакомке – не хватало только карандаша за ухом. Его черты показались ей до боли знакомыми: чуть-чуть вытянутое по сравнению с будущим лицо, широкие скулы, узкий лоб, идеально прямой нос, немного впалые щёки. Сомнений нет – это был дядя Савва, только на шестнадцать лет моложе. На вид Анна не дала бы ему больше двадцати пяти, хотя даже тут, в прошлом он был старше её на пять лет. А похудел-то как – и не узнать! Ростом дядя тоже казался несколько выше, чем в настоящем, так что молодой Савелий Валерьевич со своей племянницей из будущего выглядели примерно одного роста.

Очнувшись от лёгкого ступора, Анна сама, не воспользовавшись предложенной рукой помощи, поднялась с пола и принялась энергично отряхивать одежду. Молодой человек иронично заметил:

– Какой смысл, девушка – всё равно ж переодеться! Вы, я так понимаю, Анна?

Первое же обращение к ней заставило Анну насторожиться: откуда он знает её настоящее имя? Дядя же говорил, что в прошлом её не узнает.

– Ээээ... Верно – призадумавшись, ответила она.

– А я Савелий.

– О-очень приятно, – не подав виду, что знает его, сказала Анна.

– Взаимно, – улыбнувшись, ответил дядя и деловито потирая ладони, объявил – Ну, не буду вас задерживать – приступим.

Комната была довольно тесная, в виде всё той же буквы «Г», но если в прошлом, московском варианте там можно было свободно разместить человек семь, а то и восемь, то здесь работнику белгородского ЛПВП пришлось протискиваться, чтобы пройти мимо гостыи из будущего. В глаза Анне сразу бросился покрывавший всё вокруг тонкий слой пыли – очевидно, кое-кто давно здесь не убирался. Несмотря на это, мотки проводов, в настоящем раз-

брошенные как попало, были аккуратно собраны и уложены в пучки. «Ленивый педант – оригинально!» – подумала его племянница. Вдоль холодных бетонных стен ближе к выходу стояли полуразвалившийся, ещё советский шкаф, покосившийся стол и сделанная из старой простыни ширма. Желтоватый свет лампочек накаливания в довершение ко всему придавал этому месту вид бункера – холодного и безликого.

Пока Анна понемногу привыкала к окружению, молодой дядя Савелий достал из недр шкафа большую картонную коробку, на которой чёрным маркером была выведена дата её при- бытия. Коробка тут же полетела на стол, подняв в воздух новые клубы пыли.

– Простите за беспорядок! Вот ваши вещи, – рапортовал он, – Здесь всё, что вам здесь потребуется. Давайте проверим, чтобы не было недоразумений.

Анне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Придвинув к себе коробку, крепко запечатанную скотчем, она вскрыла её прилагавшимся канцелярским ножом.

– Первым делом проверьте паспорт – советовал, уже уставившись в свой монитор, Саве- лий, – Предупреждаю сразу: данные отличаются от тех, к которым вы привыкли. Все эти пас- порта имеются в нашей базе данных, так что потом, в случае необходимости, мы можем отсле- дить затерявшегося свидетеля.

– Свидетеля? – переспросила Анна.

– Свидетеля, гостя из будущего, прыгуна – кто как вас только не называет! – оторвав лицо от компьютера, объяснял ей временной проводник, – Обычно ваши меняют имя – так психологически достигается различие. А одинаковые фамилии легко списать на совпадение.

В этот раз Савелий ошибся: паспорт, лежавший в коробке, гласил, что его владелица – Деникина Анна Сергеевна. Более того, в настоящем дядя поменял своей племяннице ещё и дату рождения, так что новая Анна родилась 4 августа 1974 года, а не 6 марта 1977, желай его обладательница точно передать свой возраст. Зато в этой странности была другая, намного более интригующая состыковочка – новые данные Анны сильно совпадали с паспортными данными её мамы. «Зачем он их использовал?» – всерьёз задумалась она. Действительно, это было бы ужасно подозрительно – две девушки с точным совпадением по имени, отчеству и дате рождения! Хорошо ещё, что фамилии разные – мама только после смерти отца вернула себе девичью. Заинтересовавшись, Анна хотела было спросить об этом самого Савелия, но в послед- ний момент спохватилась: здесь он даже не знает, кто она такая! А значит, придётся нарушить обещание, данное ему в настоящем! Выбрав из двух зол меньшее, Анна уложила свой новый паспорт обратно в коробку.

– Далее одежда – как видите, я постарался достать вещи нужного именно вам размера, – хвастался молодой дядя, – Куртка, правда, будет немного широковата в плечах, но в целом должно быть как раз – сказал он и указал Анне на импровизированную ширму, – Переодеться можно там.

– А поприличней никак... это нельзя было? – косо посмотрела на простыню гостя из будущего. Краска залила смущённое девичье лицо.

– Уж простите – на моей памяти вы первая девушка-свидетель – пожал плечами Савелий. «И последняя» – пронеслось у Анны в голове.

– Обещаю, подглядывать не буду!

Похоже, молодой дядя находил её смущение несколько забавным. Красная как рак, с поникшей головой девица скрылась за предложенной ей ширмой. Прошло, наверное, минут десять, а то и больше, прежде чем Анна снова показалась из-за старой простыни: милый наряд школьницы сменили суровые чёрная кожаная куртка на заклёпках с длинным, почти до пола плащом и широкими карманами, скрывавшая под собой простую светло-серую рубашку, чёр- ные сапоги с высоким голенищем на небольшом широком каблуке, ярко-синие джинсы с сим- воликой клуба «Chicago Bulls» на заднем левом кармане и электронные часы «Montana»

на левой руке, ярко блестевшие даже в тусклом свете ламп накаливания. Стоит признать, в этом облачении Анна смотрелась крайне эффектно, чего не мог не отметить Савелий:

– Выглядишь на пять баллов!

– Спасибо – немного побаиваясь, смущённо ответила ему Анна – А вам не кажется, что в этом мне... будет жарковато?

Временной проводник Анны искренне удивился такой реакции:

– Я-то думал, будете на старомодность намекать – в будущем вы там у себя по-другому одевались!

– Да нет – скромно улыбнулась она и, элегантно взмахнув плащом, провернулась на одной ноге – На самом деле, мне даже нравится.

– Правда? – улыбка Савелия сразу растянулась до ушей – Рад слышать!

– Савелий, можно задать вам один вопрос?

– Пожалуйста, я ваш временной проводник, – сказал он, лениво откинувшись на спинку стула, – Это моя задача – отвечать на вопросы таких, как вы.

– А для чего мне рация? – Анна достала из кармана огромное для её ладони устройство, лишь отдалённо напоминавшее современные телефоны.

– Для связи – я так понимаю, маршрут вам плохо известен, так что при необходимости я буду вас вести. Если что-то случится или заблудитесь, сразу свяжетесь со мной.

– Хорошо – понимающе кивнула она.

– Так... – Савелий засучил левый рукав, обнажив позолоченные наручные часы на своём левом запястье, – Сверимся!

Анна посмотрела на свои часики.

– Семнадцать минут второго.

– Отлично! Значит, всё выставил верно – сообщил он.

Довольный собой, проводник Анны встал со стула и как-то небрежно, кося взгляд куда-то в сторону, подошёл к ней практически вплотную. Девушка неуверенно шагнула от Савелия чуть в сторону – чего это он?

– Я понимаю, не положено, – чуть слышно шептал ей дядя, – Но по правде, как тебя зовут?

Анна уже было открыла рот, чтобы ответить, и так и застыла с отвисшей челюстью: а что, если молодой человек её просто проверяет? Что, если он просто пытается подловить её, наивную дурочку из далёкого будущего, на слове? Анна сразу вспомнила слова дяди Саввы в настоящем: ничего ему не рассказывать о своём времени.

– А-а... в-вы ведь не имеете права этого спрашивать! – состроив подозрительное лицо, сказала она.

– Ах ты зараза! – весело воскликнул парень, – Смотри-ка – не попалась! А то обычно новички на этом прокалываются! Уж простите, это моя обязанность – проверять вас.

Анна сразу повеселела – в этой раз ей удалось раскусить Савелия.

– Ну нет – вы меня не подловите! – смущённо улыбаясь, заявила она.

– Ну-ну, посмотрим-посмотрим! – хитро покачал он пальцем и предложил, – Слушай, раз уж мы по идее приблизительно одного возраста, может, перейдём на ты?

– Давай! – с радостью согласилась Анна, посчитав, что ничего предосудительного в этом нет. За каких-то двадцать минут, проведённых наедине с Савелием, девушка как-то невольно для себя отметила: в молодости дядя Савва был очень хорош собой. «Надо же: симпатичный, умный, да и с чувством юмора – и чего он спутницу жизни себе не нашёл?» – так по-женски призадумалась его племянница и в этот момент поймала себя на том, что смотрит прямо в его добрые карие глаза. В надежде сгладить неловкость Анна сразу отвернулась и тихо спросила:

– А можно что-нибудь поесть?

– Да не вопрос! – добродушно похлопал её по плечу Савелий – Конечно, не деликатесы вашего времени, но вполне съедобно.

– Да не подумайте, я не привередлива... – поторопилась сказать Анна, как её тут же одёрнул проводник.

– Ань, ну мы же договорились: на ты!

– Прости, – извинилась она и снова покраснела, – Мне просто непривычно.

– Пошли уже, чудо в перьях!

Вволю посмеявшись над ней, Савелий наконец отворил гермодверь подвала. Тут взору Анны и открылось необычайно, даже можно сказать, неожиданно красивое здание: совсем новый, светлый паркет, гипсокартонные стены кремового оттенка, украшенные зеркалами, вместе с идеально белым потолком зрительно увеличивали и без того большое помещение. Они оказались в каком-то музее, ибо главными действующими лицами здесь были экспонаты: под стеклом на своих постаментах хранились редкие, часто антикварные вещи самых разных эпох – от времён правления Ивана Грозного до едва увидевших свет картин проходившей здесь выставки современной живописи. Тут было много всего – столовое серебро и фамильные реликвии, предметы быта и одежда, были даже чучела. С нескрываемым любопытством Анна тут же принялась бродить по экспозиции. Взрослая девушка радовалась как ребёнок, будто и не было шестнадцати лет, проведённых в Москве.

Неожиданно Анна остановилась. В золотоволосой голове словно из ниоткуда всплыло: она уже была здесь! Да, точно! Чучело медведя, около которого она только что прогуливалась – она вспомнила! Окрылённая воспоминаниями детства, Анна тут же подбежала к медведю и буквально впилась в него своим взглядом: точно – он самый! За прошедшие в её жизни много лет мишка совсем не изменился: всё та же жёсткая шерсть, что она когда-то трогала, маленькие уши, глаза-бусинки, очень шершавый нос, который так приятно было погладить. Совершенно не помня себя, Анна в безмятежной улыбке почесала его волосатую голову: в детстве она выглядела такой большой – не то, что сейчас! Ей вспомнилось, как ещё совсем маленькой девочкой она трепала его за ухом, как сидела на руках у мамы, как она её фотографировала рядом с ним – счастливые мгновения детства захватили Анну без остатка.

Только вот что-то не сходилось. У мамы волосы почему-то другие на ощупь, и цвета другого. Серёжки... Серёжки! Мама же их не носит! А тогда они были – большие, золотые, с жар-птицей. Красивые такие! И почему она сейчас о них вспомнила? На этом воспоминания Анны внезапно оборвались. И в этот же момент её окликнул Савелий.

– Эй, Аня – пошли!

Ей ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ним. Двигаясь по длинным коридорам, временной проводник всё время подгонял гостью из будущего – определённо, появление Анны здесь, в прошлом, было явлением, способным нарушить здешнее хрупкое равновесие, поэтому никто, кроме Савелия, не должен был её увидеть. Стоило её молодому дяде слышать впереди чьи-то шаги, как он резко тормозил и менял направление, отчего практически бежавшая за ним Анна то и дело сталкивалась с его клетчатой рубашкой. Спустя почти пять минут беготни по коридорам, в последний момент успев разминуться с горсткой школьников на экскурсии, они быстро нырнули в подсобку рядом со служебным выходом.

– Ух! – выдохнул Савелий, закрыв дверь на металлическую задвижку, – Еле прошли!

– Скажи, пожалуйста, а что это за место? – оглядываясь по сторонам, спросила Анна.

Комната была довольно тесной – даже вдвоём они еле уместились внутри этой каморки. Большую часть подсобного помещения занимал грубый деревянный стол с накрытой на него ситцевой скатертью в цветочек у занавешенного ажурными занавесками оконца. На ужасно пыльном, дощатом полу стояли ящики из-под посылок, выполнявшие роль стульев – вот и всё, что было здесь из мебели.

– Ты, дорогая моя, внутри Белгородского историко-краеведческого музея – так вот, – с нескрываемой гордостью в голосе сообщил ей временной проводник и опустил в неизвестно откуда взявшуюся в руке синюю термочашку кипятильник.

Вскоре они уже сидели за столом и вдвоём уплетали ту нехитрую снедь, что приготовил к её прибытию Савелий. Попивая заваренный дядей чай вприкуску с суховатым печеньицем из упаковки, Анна заметила одну странность – от кружки дяди почему-то отчётливо несло зверобоем. Чай Анны зверобоем не отдавал, но ей-то всё равно казалось, будто содержимое её чашки тоже пропиталось этим запахом. В будущем дядя никогда особо не злоупотреблял лечебными травами, оттого девушка про себя удивлялась, как он спокойно пьёт эту гадость.

Наконец допив свой странный чай, молодой человек спросил:

– Ну что, пройдемся по плану?

Ага.

Из заднего кармана брюк Савелий достал большую бумажную карту Белгорода и, смахнув крошки, разложил её прямо на столе.

– Итак, – ткнул он своим немного толстым пальцем в бумагу – Сейчас мы вот здесь. Так как общественным транспортом по понятным причинам ты пользоваться не можешь, придётся идти пешком. Тут недалеко, всего полтора километра, если основным маршрутом, но есть проблема – палец переместился немного вперёд, – На этих двух перекрёстках останавливаться нельзя: на пересечении с улицей Фрунзе (ткнул он в первый перекрёсток) и Коммунистической (ткнул во второй) – там сейчас полно людей. Если не успеешь подойти к ним на зелёный, сворачивай налево – повёл он чуть в сторону от основного маршрута, – Там спокойно перейдёшь – в этом месте люди постоянно ходят через дорогу, никто не обратит внимания. Так ты легко дойдёшь до Народной улицы – а там, я так понимаю, у тебя встреча с прошлым.

До чего же точно это прозвучало из его уст! Конечно, Савелий не знал, что произойдёт там через пару часов, иначе ни за что не отпустил бы гостя из будущего дальше выхода из музея. В ответ Анна хранила строгое молчание, в точности следуя советам своего дяди.

– Обрати внимание, возвращаясь по тому же маршруту – объяснял он шестнадцать лет назад, – В идеале идти строго дворами, но боюсь, на незнакомой местности заблудишься, так что не стоит – на этой фразе парень свернул карту и отложил её в сторону, – Ну что, готова?

Немного ещё подумав, окончательно, в последний раз взвесив все «за» и «против» этой затеи, Анна удовлетворительно кивнула. Теперь назад пути нет – только вперёд, на встречу с собственным прошлым. На встречу с родным отцом.

– Я бы пошёл с тобой, но мне нельзя – пожал Савелий плечами, всем своим видом показывая, насколько ему это не нравится – Ну, в любом случае – удачи тебе там!

Молодой человек весело протянул свою красную, мозолистую ладонь Анне. Заметно нервничая, та сперва поглядела на неё с некоторой опаской: вдруг дядя опять её проверяет? И вообще, можно ли так делать? А что, если из-за этого что-нибудь в прошлом пойдёт не так? Но потом Анна поняла, что это она сама себя накручивает, и уже уверенней пожала его руку. На ощупь ладонь молодого дяди Саввы была шершавая, совсем как нос того чучела, и очень тёплая, так что Анна заметно успокоилась и расслабилась: в этих руках уж ей бояться точно нечего.

Савелий достал из кармана брюк ключи и как бы намекая, что пора идти, молча открыл дверь служебного выхода. В ответ Анна резко выдохнула и молча переступила заветную черту порога – с этого момента ей предстоит идти одной. Недолгий, но такой опасный путь ребёнка, потерявшего родного отца и желавшего всей душой хотя бы ненадолго обрести его вновь, уже ждал её, и помахав дяде на прощание, гостя из будущего выдвинулась в сторону центра города.

На улице стояла великолепная, очень солнечная, по-настоящему летняя погода. Едва заметные на фоне ослепительного полуденного солнца, в ярко-голубом небе Белгорода медленно плыли куда-то на запад перламутровые облака. Наслаждаясь свежим июльским ветром,

Анна вольготно расстегнула свою кожаную куртку и смело пошла прямо по середине тротуара. Редкие прохожие на пути гости из будущего совсем не беспокоили её – они просто не обращали на Анну больше внимания, чем требовалось. Двигаясь сквозь тени деревьев, перемежающиеся с крошечными пятнами солнечного света, Анна буквально летела навстречу своей судьбе. Плащ задорно развевался у неё за спиной, создавая иллюзию невиданной лёгкости. Девушка искренне радовалась, ведь это событие должно были стать самым счастливым моментом в её жизни.

Что бы там ни говорил ей Савелий, а всё-таки Анна немного выделялась из толпы. Хотя бы одеждой: вещи были явно подобраны не по погоде, и уже вскоре она начала ощущать на себе все прелести июльской жары – потная футболка так и липла к её телу. Пройдя через садик при драмтеатре, минуя площадь Революции, Анна свернула с улицы Попова направо, на проспект Ленина. Деревья здесь стояли уже не так плотно, зато тени зданий по правую сторону улицы полностью загораживали солнце. Число случайных прохожих чуть выросло и Анне пришлось уйти с середины тротуара, чтобы никого случайно не задеть. Пока всё шло просто идеально, чему она была несказанно рада.

Дойдя до следующего перекрёстка, Анна повернула налево – на sdвоенную улицу, носившую имя Николая Чумичова. Урождённой белгородчанке показалось, что когда-то она уже слышала это название и даже смеялась над ним, называя глупым – быть может, ведь она здесь родилась. Мимо всё чаще и чаще мелькали автомобили, подавляющее большинство из которых, как и следовало ожидать, были с белгородскими номерами. Внимание Анны сразу привлёк чёрный, с выделявшимся из общей серой массы московским номерным знаком припаркованный на обочине внедорожник. Подойдя к нему поближе, девушка внимательно осмотрела себя в зеркало заднего вида. Что ни говори, а дядя постарался: хоть одета она и не по погоде, сидела одежда ну просто идеально и поправив свою немного растрепавшуюся причёску, Анна уже не спеша полетела дальше.

Приближался первый потенциально опасный перекрёсток – пересечение с улицей Фрунзе. Пришурившись, Анна посмотрела на видневшийся вдали светофор – зелёный! Ура! И быстрым шагом прошла первый отрезок без потерь времени. Посмотрела на часы – время 13:51. «Успеваю!» – обрадовалась она и чуть прибавила шаг. Уворачиваясь от встречного потока людей, гостя из будущего твёрдо шла к своей цели. Вдалеке Анна уже видела второй опасный переход, однако тут ей повезло меньше: на пересечении с Коммунистической люди стояли уже в три ряда и ждали, когда их наконец пропустит поток – светофор попросту не работал. На таком загруженной улице стоять было нельзя и едва завидев неисправность на пути, Анна на полном ходу свернула налево. Пройдя метров сто, если не двести, она скоро увидела впереди человека, спешно перебежавшего дорогу. Подождав, когда проедет автобус, гостя из будущего быстро шмыгнула там же, где только что перебежал белгородец, и сразу свернула во дворы.

Томная прохлада заставила её вздохнуть с облегчением – тенистый, чётко очерченный со всех сторон домами советской застройки белгородский дворик выглядел лениво, слегка неказисто, но очень уютно. Минуя дом за домом, Анна становилась всё ближе к Народной улице и одновременно с каждым шагом всё больше одолевала себя саму страхом. Казалось, ещё недавно она готова была отдать всё за возможность снова встретиться с папой, а теперь ей становилось не по себе от одной мысли о том, что ей ещё предстоит лицезреть его смерть собственными глазами. Однако страх больше никогда в жизни не увидит родного отца оказался сильнее и, дабы не поддаться панике, она снова ускорила свою походку.

Сделав над собой последнее усилие, Анна вышла на финишную прямую – ноги сами собой завернули её на Народную улицу. Согласно вырезке из теперь уже завтрашней газеты, всё произошло недалеко от пересечения с улицей Воровского. Взбудораженной дочери человека, судьба которого должна была вот-вот свершиться, оставалось идти не больше полукилометра.

Людей почти не было и разнервничавшись, Анна перешла на бег. С каждым пройденным метром девушка всё больше боялась, сердце уже колотилось как ненормальное. Расстояние до цели стремительно сокращалось: «Осталось сто пятьдесят метров... Сто... Пятьдесят...»

Наконец она пришла – именно здесь, где-то возле поворота во двор, шестнадцать лет назад убили её папу. За что, как, при каких обстоятельствах, Анну уже не волновало: в конце концов, изменить прошлое она не могла – не имела на то никаких полномочий. Всё, что двигало ей в тот момент – это желание в последний раз увидеть родителя. А потом уйти, вернувшись в своё настоящее. Часы показывали 14:01 – Вячеславу Козельскому оставалось жить меньше тридцати минут. Оглядевшись по сторонам, убедившись, что никто её не видит, его взрослая дочь присела на зелёный газончик рядом с поворотом во двор. Идеальное место для ожидания: от потенциальных любопытных глаз Анну хорошо закрывали густые, всюю зеленевшие кусты, но этих самых глаз не было и в помине – бояться нечего. Ей оставалось только ждать.

Скрестив под собой сапоги, Анна в первый раз с тех пор, как отправилась в прошлое, всерьёз задумалась: а что ей сказать папе? До последнего момента у неё даже в мыслях не было, что когда-нибудь она будет разговаривать с отцом на смертном одре. Благо, тут Анна была свободна в действиях – даже если бы ей захотелось нарушить регламент перемещения во времени и пространстве, спасти папу после расстрела было уже нельзя. К сожалению для его дочери.

«Конечно, он не будет знать, что я его дочь» – так рассуждала она, – «Надо будет вызвать „скорую“. Конечно, это не поможет, но всё равно... Только как – мобильных ж здесь нету. И таксофонов чё-т не видно...»

Внезапно её размышления прервал крик, донёсшийся из рации.

– Приём-приём!

Вздвогнув от испуга, Анна быстро перевела рацию в режим передачи сигнала.

– Да?! – испуганно спросила она.

– Это Савелий! Ты меня слышишь? – спросил голос из рации.

– Да, слышу тебя – раздражённо фыркнув, ответила Анна.

– Ты уже дошла?

– Типа того.

– Отлично! Сверим часы.

Анна посмотрела на свои.

– Десять минут третьего.

– Аналогично.

– Не пугай меня так больше! – возмутилась она – Всего двадцать минут же осталось.

– Ладно, прости, не буду мешать. До связи!

– До свя-зи... – сглотнув, проглотила Анна последнее слово.

Из рации послышались помехи. Отключив своё средство связи с дядей, золотоволосую голову её снова наполнили сбивчивые рассуждения:

«Так... Скорую не вызвать – нет мобильного. Тогда как мы её вызовем? Шут знает. Но вызвать надо... Так а что сказать-то? Думай, Аня, думай!» – изо всех сил терла она свои уже покрасневшие от напряжения виски, – «Может, что-то типа: папа! Послушай внимательно, у меня мало времени... Он ответит: папа? А я: Да, ты мой папа. Я твоя дочь Аня, из будущего. Послушай меня: ты не выживешь, но мне позволили в будущем тебя увидеть... Нет уж, про скорую смерть не надо, ещё разнервничается – не надо его мучить. Тогда так: послушай, пап. Я просто хочу сказать, что ужасно тебя люблю. Да, точно! А-а-а, что я несу-у-у!»

Волнение зашкаливало: слова путались, не лезли с языка и Анна усиленно шептала их себе под нос, пытаясь хоть как-то успокоиться перед этой встречей. И так пришла на полчаса раньше, а тут ещё и часы как назло замедлили ход вдвое – казалось, прошла целая вечность, прежде чем на их электронном циферблате загорелось сначала 14:09, затем 14:19, а потом

и 14:29. В напряжении потирая ладони, изведённая ожиданием Анна уставилась в одну точку, с нетерпением взирая, когда оттуда появится старенький «Москвич-2141».

Наконец часы на запястье Анны отсчитали 14:30 – ровно, в точности до секунды. Однако отцовский «Москвич» на дороге так и не появился. Отсутствие машины на горизонте разволновало девушку ещё больше – когда её дядя говорил «где-то в 14:30», он почти всегда имел в виду «ровно в 14:30» и ничто иное. Она ничего не могла изменить настолько серьёзно! Да и если бы изменила, её бы здесь уже не было – вся идея её путешествия во времени была бы под вопросом. Подминая под собой траву, Анне оставалось только надеяться, что дядя просто сообщил ей не столь точное время.

Минуты тянулись, как улитки, а отца всё не было и не было. Заведённая, Анна начала грызть свои покрытые прозрачным лаком ногти: три минуты – это уже серьёзное опоздание для её ужасно педантичного дяди. «Где же ты? Почему тебя до сих пор нет? Почему ты всё ещё живой?» – думала она, суетливо крутя головой в поисках того, что могло её успокоить. В этот момент серо-голубые глаза скользнули на ослепительно белые, едва заметно отливавшие сиреневым в клумбе по другую сторону дороги петунии. В этом лихорадочном состоянии Анне пришла в голову странная идея – украсить свою причёску. «Один ничего не изменит – куст простоит до осени. Если я и могла случайно изменить будущее, я бы сделала это уже давно» – рассуждала она, – «Пусть уж хоть папа порадуетя... Если это можно так назвать». Гостья из будущего осторожно высунулась из кустов – на улице ни души. Мёртвая тишина, почти что затишье перед бурей: собравшись с духом, Анна решила на минутку выйти из укрытия – перемахнув через кусты, даже не оглядевшись по сторонам, она буквально на лету побежала через узкую проезжую часть...

Внезапно раздался громкий визг тормозов. Удар! Выскочив из ниоткуда, Анну резко бьёт по ногам бампер тяжеленного автомобиля. Хрупкую девушку с силой бросает головой на его капот, после чего словно тряпичную куклу отбрасывает вперёд. Анна кубарем летит на жёсткий асфальт, перекатившись два раза и остановившись животом вниз. Повезло, водитель успевает затормозить прежде, чем сбитая оказалась под колёсами его ласточки.

Придя в себя от шока, Анна медленно пошевелила всеми конечностями. Голова сильно кружилась от удара о капот, ноги сильно саднило в области коленей, а из разбитого носа по каплям сочилась кровь, но судя по ощущениям, ничего не сломала. В это же мгновение Анну окатила волна страха – она только что изменила прошлое! Всё, ради чего так старался дядя тут и в настоящем, оказалось напрасным – она всё испортила! Это просто катастрофа! Но через пару секунд она поняла, насколько сильно ошиблась – попытавшись встать, гостья из будущего нос к носу столкнулась с радиатором бордового «Москвича».

Из салона автомобиля послышались женские крики, а затем раздался мужской бас:

– Девушка, вы там в порядке?

Опасаясь самого худшего, Анна чуть привстала и застыла: из-за треснувшего от удара точно пополам лобового стекла на неё смотрел отец. Со времени службы в армии папа слегка поправился – худые черты лица стали чуть более округлыми, волосы немного отросли, но в целом – точь-в-точь как на фото: точно он! Рядом с ним на переднем сиденье сидела, в ужасе прикрывая ладонью рот, какая-то женщина. Присутствие посторонней в машине ошеломило Анну: кто это такая? Чуть ниже папы, с рыжими, забранными в сложную причёску волосами, скулами, точь-в-точь повторявшими форму её скул, такими же тонкими, худыми плечами... В ушах женщины внезапно блеснули серёжки – золотые, с жар-птицей! Те самые! Сомнения отпали – справа от отца сидела её мама. Просто она была так не похожа на будущую себя, что узри её Анна ещё вчера, ни за что бы не поверила, что перед ней родная мать.

Анне хватило секунды, чтобы понять, что только что натворила, но было уже поздно. Осознав, что произошло, гостья из будущего в страхе бросилась наутёк во дворы, но убегая, оглянувшись назад, вдруг увидела, как к месту аварии издали стремительно приближается чёр-

ный внедорожник. В этот момент её озарила жуткая мысль: мама – с отцом в машине! Она всё-таки что-то изменила в своём прошлом! Из всего этого следовал вывод, заставивший Анну споткнуться на месте, подкосив ей ноги: их сейчас обоих убьют! Убьют у неё на глазах!

Вдарив по газам, противно завизжав передними колёсами, сбивший Анну «Москвич» пулей промчался мимо поворота во двор, внедорожник рванул вслед за ним. Всё нутро гостьи из будущего тут же смёрзлось в один сплошной ком – с этого мгновения Анна больше не владела собой. В панике судорожно вжимаясь в стену дома, сердце её бешено колотилось, пальцы лихорадочно задрожали, а из носа с удвоенной скоростью потекла кровь. Где-то вдалеке снова раздался визг тормозов. В жарком воздухе Белгорода прогремели выстрелы.

Анна медленно сползала по стене дома и рыдала, закрывая лицо окровавленной рукой. Тщетно повторяла она одними губами «Нет, пожалуйста, нет!» в отчаянной надежде, что это всего лишь жуткий сон: оказавшись в собственном прошлом, она самым коренным образом изменила собственное будущее – одним неверным движением уничтожила всё, что было ей дорого. Слишком большую, непомерную цену она заплатила за свидание с погибшим отцом. Как это произошло? Как она могла поменять прошлое так, что мама оказалась вместе с папой в машине? Не выскочи она на дорогу, родители могли заметить преследователей и скрыться! Анна не могла в это поверить – из-за одного цветка потеряла родную маму! Как она могла допустить такую оплошность? Зачем она вообще пошла за той петунией? За что так жестоко с ней прошлое?

Не помня себя от страха, зарёванная дочь тихо выглянула из-за угла дома и увидела, как закрылись тонированные окна внедорожника. Сорвавшись с места, тот стремительно начал уезжать. Будучи абсолютно уверенной, что терять ей уже нечего, Анна со всех ног бросилась к неподвижно стоявшему «Москвичу». Стремглав ломанувшись к ним, Аня просто молилась, чтобы хоть кто-нибудь из родителей выжил: она же так чётко помнила, как там, в настоящем, прощалась с мамочкой! Она же не может умереть вот так, здесь и сейчас!

Но подбежав к машине поближе, сквозь слёзы Анна разглядела страшную картину: тела водителя и пассажира были все изуродованы, истерзаны пулями. Надежда на спасение в один миг рухнула: пуля прошила маме голову точно посередине лба – женщина была уже мертва. По отцу выпустили минимум десять, а то и двенадцать пуль. Повсюду лежало битое стекло. От ужаса у бедной девушки отнялся язык и единственное, что она сумела с огромным трудом произнести рыдающим надрывным полусшёпотом, было:

– Папа... Мама...!

Из серо-голубых глаз снова полились слёзы. Анну всю колотило от ужаса. Несчастная уже с трудом держалась на ногах, когда вдруг ей послышался слабый звон осколков. Анна испуганно посмотрела в сторону сидения водителя и обомлела: несмотря на ранения, папа ещё шевелился – медленно повернув голову, мужчина хрипло, едва слышно произнёс:

– А-ня...

Анна тут же перестала плакать, хотя её всё равно ещё жутко трясло. Вот-вот готовясь зарыдать снова, с бледным как смерть лицом она осторожно приблизилась к отцу. Кажется, он всё понял: не важно как, главное – понял, что перед ним его собственная дочь! Медленно, преодолевая страшную боль, папа Анны повернул простреленную руку и тихо ей прошептал:

– Т-т-туда...

Внезапно воздух огласил оглушающий визг тормозов – метрах в ста от расстрелянной машины внедорожник резко остановился. Сердце гостьи из будущего чуть не выпрыгнуло из груди – её заметили. Счёт шёл уже на секунды. Палец умирающего показал назад, в сторону прохода между домами и бросив туда свой взгляд, Анна увидела скрывающуюся за поворотом маленькую девочку. Гостья из другого времени тут же всё поняла: вот он – её последний шанс на спасение. И стоило ей только подумать об этом, как рука отца безжизненно повисла, а его серые глаза навсегда закатились.

Со всех своих ног Анна бросилась в погоню за своим прошлым. На этом заплаканном, грязном, окровавленном, полном страха и отчаяния лице застыла лишь одна мысль: «Только бы успеть, только бы успеть!». Больше всего она сейчас боялась потерять здешнюю себя из виду, ибо так ребёнок будет обречён на верную смерть. Звуки двигателя позади доносились всё отчетливее, и Анна рвала себе жилы, изо всех сил стараясь бежать ещё быстрее. Удирая от преследования, плащ за спиной девушки так и норовил взмыть в воздух, и пробежав двор насквозь, забегая под арку, уши её услышала, как позади грянул выстрел – к счастью, мимо.

Завернув налево, она сразу увидела себя: маленькая Анна в своём ярком джинсовом комбинезоне и миленьких белых кроссовках со всех ног убегала от места аварии. Взрослая Анна стремглав устремила за ней. Обернувшись на секунду, гостя из будущего видела, как внедорожник вывернул из-под арки. Из тонированного окна высунулась рука с револьвером, дуло которого было нацелено на девушку – нет, только не это!

Миновав дом, юная она свернула за угол. Разрыв между двумя Аннами сокращался, но внедорожник нагонял их обеих. По взрослой Анне вновь открыли стрельбу на поражение – первая пуля прошла чуть-чуть выше головы, и прежде чем её настигла вторая, она успела на полной скорости скрыться за поворотом. Быстро настигнув саму себя из прошлого, девушка на бегу схватила её под руки, шустро юркнула в уже закрывающуюся дверь подъезда и сразу её захлопнула. Зажав рот девочке, Анна как можно крепче прижала её к груди. Очутившись в цепких лапах незнакомки, ребёнок сразу принялся вырываться.

– Тише! – прошипела Анна будущая, – Если не прекратишь дёргаться, нас обеих убьют!

Подстёгнутая страхом, маленькая она с новой силой принялась отбиваться: как могла, пыталась закричать, пнуть, укусить взрослую себя за руку, но тщетно – кожаные вещи были непробиваемы для восьмилетней девочки. Тогда Аня с силой заехала будущей себе пяткой по ноге, но стиснув от боли зубы, Анна удержала себя маленькую. Сейчас им обоим оставалось только надеяться, что преследователи не заметили, как они забежали в укрытие. В ожидании худшего, Анна приготовилась закрыть собою ребёнка.

Однако медленно нарастая сперва, рокот двигателя за дверью вскоре затих в отдалении: повезло – прокатило. Вскоре обессилев, восьмилетняя Анна прекратила своё сопротивление, безвольно повиснув на руках. Увидев это, Анна взрослая как можно спокойнее шепнула ей:

– Успокойся – я тебя не обижу. Не дёргайся – и я тебя отпущу. Хорошо?

Юная она испуганно кивнула и осторожно, стараясь не испугать себя ещё больше, Анна отпустила ребёнка. В подъезде было очень темно, так что разглядеть друг друга как следует они не могли, но и без того девушка прямо-таки чувствовала, как эту малышку всю трясёт от ужаса. Девочка часто дышала, словно готовилась вот-вот заплакать. Звуки её отрывистого, частого дыхания в темноте смешались с глубокими, судорожными вздохами Анны, вызывая у той странное сочетание эмоций.

Внезапно пролётом выше с грохотом открылся лифт. Обе Анны испуганно обернулись на новый звук. Из лифта медленно вышла бабушка в синем в белый цветок халате и сильно стоптанных тапочках. Старенькая женщина подошла чуть поближе, но у самой лестницы остановилась – кажется, она кого-то из них заметила и пыталась их разглядеть. Взрослая Анна испугалась, что сейчас мелкая попросту даст дёру, но маленькая она была слишком напугана, чтобы убежать – появление ещё одной посторонней тоже застало её врасплох. Стараясь держать себя в руках, Анна неуверенно заговорила из темноты:

– Уходите.

Но женщина продолжала стоять перед первой ступенькой, не зная, что ответить голосу из темноты. Сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, Анна чуть громче повторила:

– Прошу вас, уйдите!

Неуверенно попятившись, бабуля развернулась назад. Женщина снова нажала кнопку вызова лифта и куда-то уехала. Лицо женщины было полно не ужаса – удивления.

Убедившись, что больше здесь никого нет, Анна вместе с бывшей собой поднялись по лестнице на первый этаж. Выйдя на свет, гостья из будущего всю принялась разглядывать юную себя. До чего же это было странно и непривычно: как будто смотришь через зеркало – уж очень эта малышка была на неё похожа. Те же очень светлые волосы, пока ещё собранные в простенькую шапочку, тот же острый носик со следами грязи на нём – видимо, остались, когда она не давала ей закричать. Острое сейчас, тогда личико Анны имело приятную в столь нежном возрасте детскую округлость. Маленькая Аня была сильно перепугана – воздух со свистом вырывался у неё изо рта, из которого торчали уже сменившиеся и теперь казавшиеся неестественно большими верхние резцы.

Что удивительно: у ребёнка не было даже намёка на плач, что, по правде говоря, было бы сейчас очень некстати – девочка просто стояла рядом и постоянно отворачивала взгляд, очевидно, побаиваясь грязного, окровавленного лица незнакомки. Так или иначе, Аню надо было отвести домой – скорее всего, в прошлом это сделала мама, но теперь это обязана была сделать она сама. Опустившись рядом с ней на одно колено, Анна спросила юную себя:

– Где ты живёшь?

– Тут, не... недалеко... – негромко ответила восьмилетняя она. В этом звонком детском голоске Анна невольно узнала свой собственный.

– Знаешь дорогу? Я тебя доведу.

– Да я... с-сама могу дойти – еле слышно заблеяла девочка.

Одну я тебя не отпущу, – настаивала Анна, понимая, что угроза жизни ещё не спала – Есть кто-нибудь из родных дома? Ну или просто в городе?

– Дядя есть, – ответила ей она сама, – Только я не знаю, где его искать.

– Понятно, – для Анны такой ответ был вполне ожидаем. Оглядевшись по сторонам, она аккуратно повернула к себе за подбородок Анино лицо – Не бойся меня, хорошо?

Слова незнакомки прозвучали неубедительно – маленькая ощутило её боялась.

– Послушай, – сказала тогда Анна, – Я не желаю тебе зла: иначе стала бы я тебя спасать?

– З-зачем вам... идти?

Безрезультатно – постоянно кося взгляд, малышка избегала встречи взглядом. Тогда гостья из будущего пустила в ход свой последний, самый глупый и даже абсурдный довод:

– Можно, я у тебя умоюсь?

Как ни странно, именно просьба подействовала на неё лучше всего – маленькая Анна немного успокоилась и впервые повернула свои ярко-синие глазёнки к незнакомой девушке. Видя это, Анна взрослая доверительно протянула ей свою грязную, запылённую, но хотя бы не окровавленную правую руку и восьмилетняя она медленно, нерешительно протянула в ответ свою маленькую ладошку. Ладони медленно соприкоснулись. Держать за руку саму себя из прошлого показалось для Анны ещё более странным и необычным, чем взгляд со стороны – каждое её прикосновение к этой девочке сразу же отзывалось всплывавшими в голове воспоминаниями из детства. Аккуратно обняв пальцами эту детскую ладошку, встав с колена, она с Аней спустилась по лестнице и, осторожно прислушиваясь, приоткрыла дверь подъезда. Выстрелов не последовало. Оглядевшись ещё с целью убедиться, что нападавшие действительно скрылись, обе Анны наконец вышли на улицу.

В Белгороде образца 16 июля 2001 года по-прежнему было солнечно, но теперь ясную, безветренную погоду сменил холодный ветер и мрачные серые тучи, набежавшие с востока. Теперь пройти незамеченной для гостьи из будущего просто не представлялось возможным: заведя в толпе девушку с перемазанным в грязи и крови лицом, разбитым носом и следами слёз на бледных как смерть щеках, люди сразу оборачивались, испуганно глядя ей вслед. Но даже на этом беды, постигшие Анну, не закончились: всё-таки столкновение с той маши-

ной не прошло бесследно – начала болеть нога. С каждым шагом левое колено её всё сильнее ныло и опухало. Анна начала прихрамывать: идти быстрее она уже не могла, так что младшая Аня вполне могла вырваться и убежать, но девочка словно понимала, что сейчас незнакомке действительно больно, и никуда не торопилась. Сейчас Анна полностью зависела от той, кем была шестнадцать лет назад – за годы, проведённые в Москве, Анина гостыя совсем забыла дорогу к бывшему дому.

Неизвестно, сколько они так шли – от усталости и изнеможения Анна уже совершенно потеряла счёт времени, а рука с часами держала Аню и ей не хотелось случайно её спугнуть. Наконец они пришли к девятиэтажному дому на пересечении улиц Октябрьской и Нагорной. «Какая ирония – две улицы как станции метро» – промелькнуло в голове у москвички. Приглядевшись, Анна увидела, что здание под номером 25 не сплошное, а составлено из нескольких впритык подогнанных друг к другу блоков-подъездов. Войдя в один из них, Аня повела себя из будущего по лестнице, но уже на третьей ступеньке Анна остановилась: боль в ноге стала невыносимой – дальше подниматься она уже не могла.

– Вам... вам больно? – невинно поинтересовалась Аня.

– Да, – поморщившись, ответила ей она сама.

– Может, тогда на лифте?

– Пожалуй.

Поразительно, и в то же время жутковато: всё это время Аня была абсолютно спокойна. Анна никак не могла понять, что с ребёнком: её собственное лицо совершенно не выражало эмоций. Возможно, девочка ещё не поняла, что только что осталась сиротой, но как бы то ни было, такого у детей Анна никогда в жизни не видела. Поднявшись на четвёртый этаж, Аня достала из кармана своей курточки связку ключей и самостоятельно открыла дверь. Анну из будущего поначалу насторожило, что она в свои восемь лет вот так спокойно открыла дверь незнакомой особе, но потом смекнула, что сейчас этот факт ей даже на руку, и без разговоров вошла внутрь.

Квартира, в которой Анна провела свои первые восемь лет жизни, была обставлена по меркам современности бедно: тусклый клетчатый пол, синие и зелёные клетки которого то и дело съезжали относительно друг друга, старые обои кремового оттенка с потускневшим от времени тонким узорчатым рисунком, небольшая полочка для обуви, стоявшая здесь, судя по кольцам пыли вокруг резных ножек, уже очень давно, встроенный в стену шкаф и антресоли, на которых издавна водилось всякое барахло, составляли узкую прихожую. Напротив шкафа висело высокое зеркало в красивой, покрытой тёмным лаком резной оправе. Пока маленькая Анна неуклюже пыталась снять свои кроссовки, её гостыя медленно подошла к нему.

Анна и так знала, что выглядит не очень, и всё равно, увидев в отражении собственное лицо, ужаснулась: пыльное, грязное, со следами запёкшейся крови возле ноздрей, вдоль щёк тянулись две дорожки от слёз – всё это напоминало картинку из неплохого фильма ужасов. В волосах, ещё недавно идеально гладких и чистых, спутались комки пыли. На левом виске рос здоровенный синячина. Одежда тоже была не в лучшем состоянии: после столкновения с «Москвичом» на куртке появились затёртости, а у самого края плаща – два мелких надрыва.

– Ванная там – пискнула восьмилетняя Анна и показала пальцем на деревянную дверь слева от входной.

– Спасибо – тихо прошептала её гостыя и сняв свои сапоги, скрывшись за дверью, сразу закрылась на задвижку.

Ванная была обставлена не менее аскетично: оцинкованная ванна занимала большую часть и без того малого пространства. Матовая коричневая плитка на полу холодила ноги, с потолка грустно свисал на одних проводах одинокий патрон с ярко горящей лампочкой. На недавно белёном потолке уже виднелись следы от сырости. Справа от входа прямо из стены выпирали покрытый мыльными разводами кран и керамическая раковина.

Дрожащими пальцами Анна вытащила из мыльницы белое детское мыло и принялась умываться – её уже тошнило от всего, что произошло. Оказаться на её месте не пожелаешь никому: подумать только – одним шагом перечеркнула собственное прошлое! Вина в смерти собственных родителей непосильным грузом рухнула на хрупкие девичьи плечи. Перед серо-голубыми глазами вновь и вновь мелькали лица её отца и матери. Анна снова и снова видела умирающего папу, показывающего пальцем в проём между домами. Она добилась своего, увидела его – но какой ценой! А ведь отправляясь сюда, не могла даже представить, что цена будет столь велика. Что за ужас?

Тут Анна подумала о той восьмилетней себе, что сейчас с совершенно остекленевшим взглядом уставилась на закрытую дверь ванной. Бедная девочка – что теперь с нею будет?! Мамы, которая воспитывала взрослую Анну, больше нет – ребёнку в прямом смысле некуда податься. Существовал лишь один человек, который мог её приютить – это дядя Савелий, но гостя из будущего боялась даже думать, как скажет ему, что его младшего брата и невестки больше нет в живых. Пройди всё гладко, она бы успела смыться из этого времени, а теперь... «Что теперь со мной будет? Нарушила все обязательства, которые дала! За это ведь следует какое-то наказание – убитая чувством вины, Анна была готова на всё, даже на смерть: «И ведь ему даже нельзя сказать, кто я такая – он же меня убьёт на месте! Ох, сколько всего я изменила... Мама же... Стоп!»

И тут в голове промелькнула мысль, казалось бы, абсолютно невозможная: она до сих пор её помнит! Анна до сих пор продолжала вспоминать, как мама провожала её к дяде Савве – буквально вчера! Но как? Это... это же невозможно! Теперь, после всего произошедшего, мама должна была исчезнуть из её жизни – «эффект бабочки» должен был стереть ей память, заменив старые воспоминания о ней новыми, изменёнными! И маму, и всё, что произошло до этого дня, она должна была уже забыть, так что сейчас Анна не могла даже прознать, что её воспитывала родная мама. И тем не менее, она это знала. Так почему этого не произошло? На долю секунды в голове девушки мелькнула мысль – а что, если то, что она ничего не забыла, значит, что мама всё ещё жива? Правда, идея была настолько бредовой, что Анна хотела было снова разреваться, но глаза уже выплакали все имевшиеся слёзы. Тяжёлые всхлипы гостя из будущего выдавали подступавшее к горлу отчаяние. «Почему я всё это помню? За что мне это?» – клянила она себя, уставившись в серый от стекавшей с лица грязи слив раковины.

С огромным трудом взяв себя в руки, Анна прямо таки заставила себя выпрямиться. И тут же едва не упала: адская боль пронзила левое колено. Сосчитав мушки в глазах, девушка аккуратно присела на бортик ванны и, преодолевая боль, очень осторожно засучила левую штанину. Так и думала: коленная чашечка распухла так, что было больно даже сгибать ногу. Ситуация становилась всё хуже: если это и правда перелом, ей ни за что не дойти обратно до ЛПВП. Но если подумать, в остальном ей очень и очень повезло – папа, сам того не зная, уберёт свою дочку от более серьёзных травм. Уберёт – ценой своей жизни.

Наскоро протерев испачканную одежду влажной губкой, расчесав волосы, вытащив из шевелюры более-менее заметные комки пыли, уже заметно хромая, взрослая Анна вышла из ванной. Маленькая она тем временем куда-то отошла.

– Приём! Приём!

В этот момент тишину, наступившую в квартире, буквально разорвал голос Савелия. Анна от неожиданности аж подпрыгнула: она-то уже и забыла про рацию! Каким-то чудом хрупкий прибор не разбился при столкновении с «Москвичом» и не выпал на бегу. В ту же секунду ледяная волна окатила племянницу Савелия с головой: он же ещё не знает, что она наделала! Немного помедлив, Анна дрожащим голосом ответила:

– Да... Я тебя слышу.

– Ань, ну ты куда пропала? – деланно возмущённо спросил её молодой дядя – Уже 15:21! Тебе скоро обратно, забыла?!

Анна немедленно бросила взгляд на свои часы – «Montana» то же самое время. Гостья из будущего сначала изрядно запаниковала, но вскоре поняла, что спешить уже бесполезно, да и бессмысленно – она далеко от музея и с хромой ногой никак не успеет вернуться вовремя. К быстро пересыхающему горлу начал подступать колючий ком.

– Аня? Ты меня слышишь? – Савелия насторожило её молчание.

– Да, я тебя слышу – испуганно повторила Анна.

– Что с тобой? Что с твоим голосом? – немного беспокойно, но по-прежнему весело звучал голос в рации.

– Послушай меня, Са... Савелий... – хотела было начать она, но запнулась: ну нет – сообщать по рации такую новость будет просто кошунством.

– Да. Я... Я тебя слушаю – веселье в интонации Савелия постепенно исчезло.

– Пожалуйста, выслушай: добраться вовремя я не успею. Я слишком далеко от тебя и я... В общем, мне трудно ходить – с трудом, буквально выдавливая из себя нужные слова, говорила Анна – Пожалуйста, приходи на Нагорную, 25 и помоги мне дойти.

– Аня, что такое? Что произошло? – голос на той стороне стал обеспокоенным.

– Некогда объяснять. Пожалуйста, выручай!

– Ань, ну как я, по-твоему, приду? – недоумевал дядя Анны – Мне за машиной следить надо! Это моя работа – следить за временем, сама же знаешь.

– Пойми, сейчас важнее этого ничего нет и не будет. Поэтому я и прошу тебя! – чуть не плача, шептала Анна, – Пожалуйста, умоляю...

– Ну хорошо, хорошо – приду, только не плачь: не люблю я этого.

Девушка с облегчением вздохнула: он придёт.

– Надеюсь, ты знаешь, о чём просишь, потому что иначе тебе конец, да и мне тоже – внезапно добавил от себя Савелий.

От этих слов Анну буквально передёрнуло.

– Так куда идти-то?

– Нагорная, дом 25. Квартира 17. Четвёртый этаж.

В ответ Анна услышала лишь тишину – никаких сомнений, дядя узнал адрес своего младшего брата, просто умолчал об этом от неё.

– Ладно. До связи...

Глубоко вздыхая, она уложила рацию в карман, как через секунду из-за угла показалась её собственная голова: всё это время Аня никуда не уходила – ребёнок просто подглядывал за гостьей из укромного места.

– С кем ты разговаривала? – осторожно спросила Аня.

– Да так, с другом – ответила она самой себе.

– В ванной? – слегка удивилась девочка.

– По рации, – объяснила гостья и продемонстрировала устройство ребёнку.

– А-а-а – понятно...

Ярко-синие глазёнки не сводили своего стеклянного взгляда с пустоты. Восемилетняя Анна всё ещё пребывала в состоянии шока – невинный детский мозг отказывался верить в то, что казалось ей самой спустя шестнадцать лет очевидным. В доме постепенно нарастало напряжение, которое нужно было срочно снять. Осторожно приблизившись к самой себе из прошлого, Анна взрослая спросила:

– Скажи – дома есть бинты?

– Должны быть... – всё так же уставившись в никуда, отвечала ей Аня – А зачем вам?

– Ногу перевязать – ударились сильно, – поморщилась она.

Маленькая Анна тихо побрела в соседнюю комнату. Через минуту девочка вернулась оттуда с эластичным бинтом и белым тюбиком какого – то геля.

– Вот – возьмите это – сказала она и протянула тюбик будущей себе.

– Спасибо.

Присев на полку для обуви, Анна задрала штанину. Немного опасаясь, девушка всё же решила смазать больное колено. Светло-синий по цвету, очень густой гель сильно охлаждал кожу, притупляя боль, но ничего более пострадавшая не почувствовала. Перебинтовав свою ногу эластичным бинтом, она внезапно сообразила: девочка даже не знает её имени.

– Как тебя зовут? – спросила Анна тогда.

– Аня.

Ярко-синие глазки угрожающе заблестели – до Ани начинало доходить, что произошло что-то плохое, что её маму и папу уже не вернуть. Сейчас эта малышка была подобна бомбе с часовым механизмом, которая вот-вот рванёт. По щекам ребёнка быстро прокатились первые робкие слёзы, и вот, спустя почти час шокового состояния, восьмилетняя Анна расплакалась. Девочка просто стояла возле самой себя и тихо, горько плакала: крохотные солёные капельки медленно стекали по её белым щечкам на подбородок, а потом, падая уже оттуда, еле слышно разбивались о холодный пол. Чуть горбясь в спине, плечи бедняжки содрогались всхлипами. И каждый такой всхлип, каждая слезинка отзывались ей спустя годы где-то глубоко внутри.

Стиснув зубы, Анна просто не могла смотреть на то, как она роняет слёзы – от такого жестокого зрелища сердце просто обливалось кровью. Малышке обязательно нужно было выплакаться и почти наверняка ей в этом помогла её мама. Но теперь, когда матери с Аней больше нет, Анне было просто необходимо стать ей жилеткой – присев, девушка посадила восьмилетнюю себя на колени и аккуратно обняла её своими бледными руками. Маленькая Анна судорожно вцепилась в себя из будущего и заревела с новой силой. Гостя тихо гладила Аню по голове, надеясь успокоить, а сама украдкой вытерла подступившую к глазам солёную влагу: сейчас им обоим было очень больно, но только так и можно было притупить эту боль.

Просидев несколько минут на коленях, прижавшись к Анне, маленькая она потихоньку перестала плакать и теперь лишь судорожно всхлипывала в кожаную куртку. Тогда взрослая Анна тихонько шепнула ей на ухо:

– Меня тоже Аней зовут.

Девочка подняла своё лицо от куртки Анны и посмотрела ей в глаза. Гостя из будущего немедленно ощутила: Аней стало легче. С добротой во взгляде девушка наблюдала за ней, и незаметно вглядываясь в черты прошлой себя, поражалась: до чего же они похожи, и в то же время разные! По-детски округлое личико, коротенькие по сравнению с сегодняшним днём, идеально расчёсанные светлые волосы, такие же худенькие плечики, маленькие тоненькие пальцы, эти серёжки в ушах – диву даёшься, как она так сильно изменилась за шестнадцать лет. Выдержав паузу, гостя аккуратно пригладила волосы юной себя и сказала:

– Сходи, умойся – я пока сделаю чай.

– Всего через пять минут Анны вместе сидели на кухне и молча пили крепко заваренный ею чёрный чай. Отзывавшиеся в опустевшей квартире эхом всхлипы были единственным, что нарушало тишину. Девочке понемногу становилось всё лучше и юная Анна уже почти совсем спокойно пила свой разбавленный парой ложек сахара чаёк из украшенной перламутровым узором кружки. Анна с некоторой неохотой просто составляла ребёнку компанию – сейчас ей просто нужно было дождаться своего проводника, а там – будь что будет.

Дабы как-то нарушить молчание, она спросила у Ани:

– Сколько тебе лет?

– Восемь, – ответила грустным голосом Аня и отхлебнув ещё чаю, поставила кружку на цветастую клеёную скатерть на столе, – А вам?

– Два... двадцать шесть, – помявшись, соврала Анна самой себе.

Завязавшийся было разговор продолжения не имел – обе Анны снова притихли. В раздумьях очень медленно покачивая головкой, юная Анна тихо сказала:

– Спасибо.

Взрослой ей даже сперва не нашлось, что ответить, столь необычно это было – знать, что это ты благодаришь саму себя. Выдержав неловкую паузу, Анна так же тихо выговорила:

– Н-н-не за что...

На кухне вновь воцарилась тишина. Спустя где-то минуту Аня задалась вопросом:

– А где вы живёте?

Анна задумалась: любопытство девочки начало превышать предел того, что можно было ей рассказать.

– Не здесь – попыталась выкрутиться гостья из будущего.

Но на этом восьмилетняя она не успокоилась.

– А где?

Похоже, ребёнок не отвяжется, пока не услышит правду. «Неужели я была такой занозой?» – взбрело в голову Анне.

– В Москве живу – создалась она.

– Правда? – удивлённо спросила Аня.

– Ага, – сказала взрослая она, покачала свою чашку и залпом выпила остатки чая.

– А зачем приехали сюда?

Маленькая Анна никак не унималась. Благо, от очередного ответа гостью в этом мире спасло дребезжание дверного звонка.

– Я открою.

Прихрамывая, девушка направилась к двери – на пороге квартиры стоял бледный как смерть Савелий, всем своим видом похожий скорее на привидение, чем на живого человека.

– Что случилось? – с порога спросил он.

– Нога – поморщившись, сообщила Анна кивнула ему своё опухшее колено.

Закрыв дверь прихожей, он тут же потребовал:

– Дай посмотрю.

Закатав штанину и быстро осмотрев перебинтованную ногу племянницы, молодой дядя Анны заключил:

– Растяжение сильное, не более – был бы перелом, ты бы даже стоять не могла.

У Анны немного отлегло от сердца, чего не скажешь о Савелии.

– Где ты так приложилась? – спросил он, опустив штанину – И вообще – что ты здесь делаешь?

Гостья из будущего сообразила: от серьёзного разговора ей было уже не отвертеться. В мыслях у бледневшей на глазах девушки из Москвы пронеслось: «Ну всё, мне конец!» Но и тут её выручили – где-то в квартире внезапно раздался звонок телефона. Бегом, даже не заметив свою племянницу на кухне, Савелий кинулся внутрь, схватил трубку и заговорил:

– Алло... Да, я его брат... Да...

Неожиданно он закричал:

– Когда?

Услышав крик дяди, его восьмилетняя племянница тут же притихла. Взрослая Анна всё мгновенно поняла: звонок из дежурной части – Савелии только что сообщили о убийстве её папы. «Теперь мне точно хана» – подумала она и медленно начала оседать на пол.

Услышав страшную новость, Савелий продолжал отвечать на звонок:

– Я вас понял... Завтра возможно? Хорошо... До свидания.

И медленно положил трубку. Из прихожей послышались очень быстрые шаги. Анна из будущего затряслась от страха. С искажённым от ярости лицом Савелий схватил её за плечи, с силой прижал к холодной стене и злобным шёпотом рявкнул:

– Рассказывай немедленно, что ты натворила?

Испуганная Анна старалась даже не смотреть на своего дядю – уж очень озлобленным он сейчас выглядел. Казалось, Савелий был готов задушить Анну прямо на месте и отчасти она этого сама хотела – не могла себе простить смерти родителей.

– Я... Я вышла... Случайно вышла на дорогу... – неуверенно, невнятно проговорила до смерти перепуганная девушка, – И они... Меня... Меня сбили.

– Продолжай – всё ещё сверлил он Анну взглядом.

– Я убежала... А сзади за ними кто-то гнался... Они их... Их...

Голос Анны страшно дрожал – натерпевшаяся страху, дальше говорить она просто не могла. Но это было и не нужно – закричав в яростном исступлении, Савелий с силой ударил кулаком по стене совсем рядом с её лицом, заставив гостью из будущего всю сжаться от не выговариваемого никакими словами ужаса. Савелий в бешенстве заорал:

– Ты идиотка, ты это понимаешь? Их убили, сволочь – и всё из-за тебя!...

Из-за двери слышны какие-то крики. Она движется в сторону прихожей, чтобы узнать, что там случилось. Подойдя к открытой двери квартиры, она осторожно заглянула за неё и увидела, как её дядя злобно кричит на какую-то женщину. Она даже не знает, кто это, но эта женщина очень похожа на её маму. Бедная вся сжалась от страха, боится сказать даже слово, а дядя её не видит и продолжает кричать. Внезапно незнакомка тоже начинает кричать. Лицо тётки страшно размывается – кажется, она вот-вот заплачет...

На этом моменте Анну снова выносит обратно в реальность. Она снова взрослая, снова в прошлом, и сейчас прямо перед ней застыло разъярённое лицо молодого дяди Савелия. Его крепкий кулак застыл всего в сантиметре от её незащитного лба. Робко попытавшись убрать его от себя, Анна еле решается заговорить:

– Я.. понимаю, что это в-в-ряд ли возможно... Но умоляю, прости – я... я не знала, что делать...

Говорит девушка еле слышно, что ещё больше злит Савелия, а услышав её просьбу, тот и вовсе обезумел.

– Простить? И ты рассчитываешь, что я тебя прощу? Ты почти что убила моего брата! – гневно заорал он.

– Послушай...

– Нет, это ты меня послушай! – резко перебил её временной проводник – Если ты хоть раз, прежде чем соваться сюда, открывала законы, то должна знать, что подобное карается, и очень строго!

– Как? – судорожно сглотнув, Анна была готова уже ко всему, лишь бы он перестал её так терзать.

– Согласно нашему внутреннему кодексу, – словно уже зачитывая приговор убийце, докладывал Савелий – в случае совершения преступления лицом, пребывающем не в своём времени, назначается наказание – депортация во времени, плюс уголовная ответственность. А на твоём счету уже как минимум двойное – показал он на пальцах, – Двойное убийство!

Анна так и осела: она ждала, что Савелий будет зол, но не предполагала, что настолько. Она и без того наказала себя – так зачем ещё добавлять страданий? За что он с ней так – за что с ней прошлое так жестоко?

– Ладно брат, ладно невестка, они взрослые, уже успели пожить – никак не унимался молодой человек – Там, в машине, была их дочь – моя племянница! Она была с ними – и пропала! Ты это хоть понимаешь?

В этот момент у Анны в голове будто щёлкнул переключатель – девушка выпрямилась и прямо в лицо этому идиоту громко закричала.

– Она жива!

Савелий несколько изменился в лице. Молодой человек перестал злиться так сильно, но всё ещё продолжал кричать:

– Откуда ты знаешь?

– Да здесь она! – продолжала на нервах вопить Анна.

– И где она? – бесился Савелий.

– На кухне сидит! Идём, увидишь!

Но едва его выросшая племянница прекратила вопить во всё горло, они оба услышали рядом с собой тихий детский плач – маленькая Анна стояла совсем рядом с ними и плакала. Гостья из будущего спохватилась: видение! Она всё это видела! Анна хотела было броситься утешать девочку, но Савелий с силой оттолкнул её и сам взял Аню на руки, чтобы успокоить.

Оскорблённая, Анна снова вспылила:

– Я жизнью рисковала, чтобы спасти её! У меня просто не было выбора, ведь я – это...

– Заткнись! – заорал на неё Савелий.

Стенания эхом пронесли по всей квартире – юная Анна уже рыдала навзрыд. Тут-то взрослая она и спохватилась, что случайно произнесла имя Ани, и чуть не проболталась, что перед дядей Саввой сейчас две племянницы. К счастью, в бешенстве он этого не заметил.

Скрипя зубами, Савелий вновь заговорил:

– Слушай меня внимательно – ты больше сюда не вернёшься и не пересечёшь порог этого дома: я не позволю, чтобы твоем вмешательством убила ещё и Аню! Мне плевать, как ты вернёшься обратно – видеть тебя больше не хочу.

Услышав такое, Анна буквально оцепенела. У испуганной гостьи из будущего времени отнялся язык. Что он имел в виду: выходит, назад, в своё настоящее... она уже не вернётся?

– Пошла вон! – рявкнул Савелий на застывшую истуканом девушку.

Реакция не заставила себя долго ждать – испугавшись, Анна бросилась бежать отсюда подальше. Спотыкаясь, спускаясь вниз по лестнице, сердце её выпрыгивало из груди, а плащ предательски мельтешил сзади, ещё больше пугая несуществующей, придуманной в голове погоней. Она была ужасно напугана – так не бывает! Это не может быть правдой! Неужели она никогда больше не вернётся назад? Он же не может! Невозможно... В считанные секунды спустившись с четвёртого этажа на первый, в эту золотоволосую голову вдруг стукнула идея: может, она всё это придумала? Может, это всего лишь сон? И сейчас, вот-вот она проснётся – у себя, в Москве, в 2017 году, где мама всё ещё жива, где её никогда не сбивал папа и она не встречала эту восьмилетнюю себя! Отчаянная мысль обнадёжила было Анну, но как она ни жмурилась, как сильно ни щипала саму себя за руки, мир вокруг неё никак не исчезал – реальность оставалась реальностью, суровой и беспощадной.

Отбросив бессмысленные попытки проснуться, Анна уже неспешно вышла из подъезда и села на подогретое солнцем крыльцо. Ужасно хотелось плакать. Лето ничуть не радовало её своими красками: теперь, оказавшись его невольным заложником, Анне было уже всё равно, что будет – всё кончено. Обратно она не вернётся.

– Ну и что теперь? – заговорила тогда она сама с собой – Дядя тебя выгнал, вернуться в будущее ты не сможешь, а в этой установке только он один разберётся. Добраться до другой? Без денег... Ха! – нервно хихикнула Анна, – На своих двоих, до Москвы шлёпать? Не вариант – да и как это там объяснить? А по прибытию этот псих всё равно тебя ещё раз пропесочит. Если вообще вспомнит о тебе... И зачем вообще сюда сунулась? – задалась она вопросом – Да приключений на пятую точку захотелось! Напрашивается вывод: Аня, ты дура! – схватила она себя за голову, – Ду-у-у-ра-дура-дура-дура... Правильно он тебя выгнал – сама же себя и наказала.

На улице вечерело и закатное солнце медленно скрыло свой оранжевый образ за напротив стоящими многоэтажными домами. Лёгкий ветерок слегка всколыхнул причёску Анны и в этом воздухе она почувствовала запах самого настоящего лета – того самого, что предвку-

шала до того, как явилась сюда. В этом маленьком, по-своему уютном белгородском дворике царила своя, неповторимая атмосфера: вокруг на все лады пели птицы, стая голубей у дома напротив, прежде дружно клевавших своё зерно, ежедневно высыпавшее заботливыми бабушками в один и тот же уголок, вдруг сорвалась с насиженного места и куда-то полетела. На замшелом козырьке соседнего подъезда радостно во все лады защебетали воробьи. Мимо девушки из ниоткуда пробежал маленький рыженький котёнок с большими ушами, прибежал к последнему лучу заходящего солнца и, довольный, улёгся в нём греться – жизнь этого мира текла своим чередом. Никто не замечал, что тут есть ещё один человек.

Анна обратила свой полный печали взгляд на детскую площадку. Ей сразу невольно вспомнилось, как она в детстве качалась на тех качелях – пусть они немного покосились, но на них можно было так здорово подлетать, когда раскачаешься. В песочнице, в которой было больше грязи, чем песка, резвились дети. Подумать только – тогда она была им ровесница! Дети бегали, прыгали, играли друг с другом, и им было весело. Лишь Анне на этом островке вечерующего лета было совсем не до веселья. Опечаленную, её с головой накрыло отчаянье. Девушке стало так грустно и тоскливо, что она просто уткнула нос в колени и не шевелилась. Ей не было места в этом мире, не было места в этом времени.

За сумерками последовала тихая, безлунная, ещё совсем короткая летняя ночь. Все уже давно разошлись по своим домам и лишь одна Анна, так и сидевшая на крыльце без единого движения, нарушала пустынность этого места. Вокруг тонких рук её, сложенных на коленях, стаями вились назойливые комары, но Анне было абсолютно всё равно, чем кровопийцы с успехом и пользовались: ей некуда было пойти. Оставалось только ждать, когда наступит рассвет и она придумает, что с собой делать. Жить больше не хотелось.

В этот момент дверь подъезда медленно приоткрылась и из тёмного подъезда вышел Савелий – бледный, он выглядел напуганным, но уже гораздо более спокойным. Заметив свою гостью из будущего, как бы невзначай сев совсем рядом, молодой дядя спросил Анну:

– Как нога?

Ответа на его вопрос не последовало – девушка даже не шевельнулась в ответ на его голос. Проводник попробовал заговорить ещё раз:

– Ань... Я, понимаю, я... Наговорил лишнего... Насчёт уголовной ответственности и много чего ещё... Да и вообще – запрещено приплетать в нашем деле личные интересы.

«Это он сейчас так говорит» – подумала Анна, но промолчала.

– Если всё было, как ты говоришь, их бы всё равно убили. А так ты... мою племянницу спасла, сама при этом рискуя. Конечно, внесла свою лепту в прошлое, но с другой стороны, я тоже хорош – наорал на тебя, Аню расстроил. А ей и так сейчас плохо...

Молодой дядя Савелий заметно нервничал – то ли совесть замучила, то ли что-то ещё. Тяжело вздохнув, парень снова заговорил:

– Давай сочтёмся на том, что мы друг друга стоим и не будем держать за сегодняшнее обид. Договорились?

Тут Анна оторвала голову от коленей. Стайка комаров сразу взвилась в воздух.

– Эх... Думаешь, мне это было в кайф? – принялась она изливать своему дяде душу, – Знаешь, как я перепугалась? А тут ещё Аня твоя... Ладно, договорились.

И протянула ему руку дружбы. Недолго думая, Савелий пожал её и, ухватив покрепче, помог Анне встать. Приготовившись к боли, она зажмурилась, но тут же осознала: боль в колене заметно ослабела. Нога ещё немного побаливала, но в целом Анна могла ходить и даже бегать.

– Кстати, откуда ты знаешь, как её зовут? – поинтересовался он.

– У нас было время узнать имена – без намёка на ложь поведала Анна своему дяде, – Добрая она у тебя – какой-то гель мне подсунула, мне уже полегче стало.

– Аня у меня вообще добрая душа, – слегка сдержанно улыбнулся Савелий, и добавил – Вечером намажешь ещё раз и будешь как новенькая.

В ответ Анна скованно улыбнулась. В разговоре наступила неловкая тишина.

– Спасибо, что успокоила её – неуверенно добавил дядя Ани – Она о тебе... Много хорошего наговорила.

«Хоть кто-то мне рад» – подумала Анна.

– У тебя здесь кто-нибудь есть знакомый? – спросил Савелий.

Если бы... – пожала плечами девушка.

– А, точно – ты ж из будущего – спохватился он, и немного подумав, сказал – Ладно, у нас тогда переночуешь. Ты спать небось хочешь?

– Очень – ответила Анна и тут же зевнула во весь рот. Только сейчас она поняла, что жутко устала. После тяжёлых двух дней ей теперь хотелось только одного – хорошенько выспаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.